

АЛЕКСЕЙ ШНЕЙДЕР

МОЯН

ИЛИ ГРЯЗНЫЕ ОБЛАКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Шнейдер

МоЯн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447325

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08529-9

Аннотация

Книга о маленьких тайнах, которые не принято озвучивать, но их нужно иметь в виду, начиная диалог или снимая белье, желательно – медленно... Книга-алкоголь, книга-похмелье... Книга с именем и одновременно без него. Книга о противоречивости секса, о хаосе в головах, о границе разумного и о том, какие все мы скрытые. Почему страсть – не повод любить? Почему ушел? Почему не забыл? Почему пожирают не только глазами? А облака при всей своей воздушности – такие грязные. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	73
Глава 3	96
Глава 4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алексей Шнейдер

МоЯн

Предисловие

Здравствуй! Обращаюсь к тебе на ты, потому что нет границ между людьми, которые открыты друг другу.

Написанная книга – частичка меня. Это мой мир, это моя Москва, это мои облака.

Ты должен знать, что я был успешным предпринимателем в сфере обеспечения праздников. Занял 1/5 московского рынка и прекрасно себя чувствовал. Стало мало. Какое-то б-е чувство толкало дальше. Начал заниматься малоэтажным строительством, оставив предыдущее направление. Но и здесь не оказалось спокойствия. После торговля дверями, строительный подряд, свой парк такси – везде я был и одновременно меня не было. Удовлетворения занятия не приносили. А потом произошло то, чего не ждал, не планировал. Полюбил. По-настоящему. Так, что казалось люблю не человека, а мечту. Но вышло глупо. Совсем глупо... Остался один.

Сегодня мне не сложно признаться. В тот период я был пассивным алкоголиком. Это привычка оказалась коварнее, чем можно было представить. Она съедала и уносила туда,

где нет печали и забот. Она разрушала меня. Творчество помогло справиться с зависимостью, смириться с положением вещей и принять себя.

В 2018-м написал маленький рассказ. Он был мой. Никому не показываю его до сих пор. И я начал писать. Много. От постоянного напряжения срывался и соблазнялся снова погрузиться в тот мир, где этиловые фантазии укрывают забвением. Благодаря творчеству, понял, что могу сделать чуть больше, чем просто построить бизнес, дом и сломать жизнь, и возможно не только свою.

Писал «МОЯН» 3 недели, не выходя из дома, не отвечая на звонки. 3 недели не пил.

Поэтому «МОЯН» не просто роман, а то, без чего нет меня. Это труд длиной в 3 недели сочинительства, 6 месяцев доработок, 2 месяца редакции, месяц борьбы за рынок. От первой до последней страницы это мой труд, в нем моя кровь и страсть.

Это был не близкий путь к тебе.

Сегодня я писатель, сценарист, публицист. Делаю работу, от которой меня распирает.

Получи и ты удовольствие от моей мечты.

Приятного чтения!

Глава 1

«Никогда не стремитесь к завершенности. От этого полнота жизни вдруг не окутает вас и не придаст смысла вашему существованию».

Рассветная тишина Рязанского проспекта обманчива. Неустанная финансовая махина продолжает качать бабки из трудовой и не очень прослойки и после двенадцати ночи. Как говорил полковник ФСБ РФ Захарчук, «мир, как ни странно, делится на две части, и похоже это явление на сюжет фильма „Ночной дозор“. Днем все по законам, все светло и понятно, а ночью – вылезают упыри и под покровом темноты творят свои грязные и мрачные дела. Если днем государство вас дерет, то ночью из вас сосут», – на последнем слове полковник делал акцент.

Редкий автомобиль разрезал шумом тишину проспекта, перемещаясь откуда-то из центра куда-то в сторону области. Сопровождая взглядом мчащийся, видимо, домой, очередной «Хундай», высокий брюнет тянул никотин. Равнодушный, медленно перемещающийся взгляд наблюдал за движением авто. Держа в зубах, как заправский рыбак, сигарету, брюнет вложил руки в карманы, ища остатки финансов, но дух благополучия испарился и оставил одно разочарование. Одежда в пятнах то ли еды, то ли крови производи-

ла впечатление бомжеватое и отвратительное. Взлохмаченные волосы стояли засаленной копной, выдавая отсутствие банных процедур уже длительное время. Желая избавиться от вертящихся дум, бомж смачно плюнул, довершив впечатление от и без того жалкого вида.

– Ну вот что это такое... – вытирая следы на куртке, на которой светилось лаконичное «Timberland», проговорил все так же равнодушно брюнет. – В караоке не пускают, в долг выпить не дают. Куда катится эта гребаная планета! Нужно верить людям и давать им испить свою чашу говна сполна! Иначе такие люди станут сами как говно! – последнее было обращено к охраннику, который продолжал стоять за спиной брюнета и ждать, чтобы он свалил, желательно куда подальше.

Будучи прилично воспитан и не желая зла, брюнет решил исправить неверное впечатление от своего поведения:

– Большая часть мира покрыта водой, остальная дебилами. Видимо, мне не предстоит стать водой.

Охранник безучастно смотрел на бомжеватого мужчину: часы идут – зарплата капает.

Речь прервалась подходящей к горлу массой, и оратор прервал монолог, зажав, как культурный человек, рот и обратившись к газону. Совершая процедуру духовного и телесного очищения, брюнет обратил внимание на нереально зеленый газон именно в этой части, возле бара. «Видимо, не один удобряю», – подумалось ему.

– Мое сердце стошнило, – констатировал грязныш.
И не соврал.

В этот момент из заведения вышли молодые люди в сопровождении девушек, пахнущих духами и свежестью, которой благоухают только в двадцать и только девушки. Парням было весело, и они бурно что-то обсуждали. Девчата кудахтали между собой чуть тише. Компания подошла к урне, в трех метрах от которой на тротуаре, оперевшись на газон, как на подлокотник, сидел мужчина лет тридцати двух. Глаза невольно сверкнули, и брюнет промолвил, обращаясь к девушкам:

– Чудная погода, не правда ли?

Предпочитая не ввязываться в пьяный бред, девушки гордо не заметили бормотание алкоголика на земле.

– У вас наверняка назрел вопрос: что же такой рекспекетабельный, – здесь язык явно подвел брюнета, – молодой человек делает на газоне? Отвечу: получаю полную гамму впечатлений! Позвольте представиться, граф Бауэр! – тело стало подниматься. Девушки засуетились и рокировались за своих спутников. Те в свою очередь, как настоящие самцы, выступили вперед, приняв боевые стойки легионеров: грудь колесом, ноги на ширине плеч, глаза, излучающие готовность уничтожать.

– Тебе чего надо, помойка?! – дерзко выпалил кучерявый, как туалетный ершик, молодой чумадан, и сопроводил слова движением вперед, оставляя своих коллег чуть позади.

– Правды! – громко ответил брюнет, не смотря на оппонента и продолжая поднимать свое отягощенное тело.

– Какой правды, пьянь?! – вступил в дискуссию, ища повод врезать, ершик.

– Вода камень точит, а твоя подруга соседу дрочит! – отчеканил скороговоркой брюнет, смотря в упор на ерша. Взгляд отморозка, наделенного больше, чем уверенностью, властью, вселил в ерша смятение.

Пока Ерш соображал, что делать – бить или помиловать, один из его коллег сказал:

– Так это Бауэр!

– Кто? – отреагировали остальные ребята.

– Бауэр, корпус Г. На этаже аспирантов.

– Здорово, студент! – улыбнувшись приятной встрече, ответил Бауэр. Студент с его блока – Евлахич.

– Здорово! Ты чего здесь людей пугаешь?

– Пугает твой друг Ершик своим видом и интеллектом! – продолжал острить Бауэр.

– Что он сказал? – вдруг начал неуверенно заводить себя Ерш.

– Вот сказал и ответил на вопрос о своем уровне IQ, – ехидно подметил брюнет, смотря на заулыбавшихся девушек. – Что-то заблудился, дай ориентир, где общага? – обратился он к узнававшему его студенту.

– Так мы сами туда, – вдруг встряла в диалог одна из нимф, засверкав глазами и глупо заулыбавшись ярко на-

помаженными губами, обнажив ряд белых и ровных зубов.

– Акула, – ехидно прищурив глаза, ответил уже ей Бауэр вполголоса. Ее это замечание не смутило.

– Еще какая, – уже на ухо подтвердил студент.

В сторону общежития шли шумной компанией, обсуждая все подряд, как оно бывает у подвыпивших людей.

– Так это вообще днище! – выпалил студент, подтверждая сказанное девушкой.

– Да, он от этого говна никогда не отмоеется, – продолжала тему подруга.

– Не знаю, о ком вы ребята, но тема дна мне очень близка, – студенты разом замолчали. Накопленный авторитет позволял привлечь внимание на сто процентов. А улетающее спиртное предательски покидало тело Бауэра и развязывало язык. – Как оказаться на дне, выцарапать на нем свое имя и подняться наверх. Такие фразы, как «работай и богатей», «работай, и все получится», «время – деньги» в сознательном возрасте уже не работают. Нет энергии, чтобы завестись от избитых фраз, понимаете? Но хранящийся потенциал не позволяет согласиться со всем существующим порядком, и мириться с нищетой вы не намерены. В этом случае надо идти в места с таким зарядом энергии, который может обеспечить потребности целого мегаполиса.

– Клубы? – радостно подметил студент.

– Например. Или встречи бизнесменов, их семинары, тренинги роста. Да, большую часть выступающих можно отне-

сти к категории «я разбогател на книге „как разбогатеть“», но какая-то часть все же люди дела. В любом случае, они сделали больше, чем ты, готовы делиться опытом и собственным зарядом. И когда от них, от спикеров, тренеров идет излучение успеха, то оно не гаснет в душах голодных соискателей трудового счастья, а разрастается в замкнутом пространстве положительно настроенных бедолаг.

– Так это болото! – прервал Ершик с таким видом, что он-то знает, где правда.

– Настоящее болото – это твое окружение. Не про вас сказано, – обратился Бауэр к обернувшимся студенткам. – Или про вас. Смотря насколько тесно дружите.

– Ну, так... тусуемся иногда, – ответил Евлахиц.

– Люди, с кем общаешься, работаешь, учишься, отдыхаешь. Даже твоя спутница имеет влияние на тебя. И тебе очень повезло, если их присутствие залечивает раны и делает тебя сильнее, давая толчок к самосовершенствованию. Но чаще всего нет, – тут Бауэр вдохнул полной грудью и продолжил, выдыхая:

– Привычка или незримая зависимость от общения с ними сами по себе делают тебя немощным. А если они еще и слабаки, то обязательно тянут в болото своей теории «почему так убого жить – норма». Таких называю утками. Плавают, жиреют и крякают, что все плохо или все уроды, а сами ничего не меняют ни в себе, ни вокруг.

Девчонкам понравились метафоры, и они захихикали.

– А чаще всего и то, и другое. И если бы..., то у них все было бы cool, – подхватил мысль Евлахич.

– Другая категория – злодеи, делающие из тебя зависимо-го слабака. Эти люди прикидываются хорошими. В их присутствии ты расслабляешься. Они к тебе снисходительны и почему-то готовы простить твоё нытье, лень, глупость. Нам с такими комфортно, потому что не нужно меняться. Чаще всего создается иллюзия «все нормально». Только вот беда: кто-то из вашей тусы вырвется вперед. И не факт, что это будешь ты со своим болотом. И твоя личная крякалка заработает как заведенная, и ты невольно этого персонажа будешь тянуть обратно к себе, в болото. Трясина – жуткая штука. И так нет сил и реального понимания зависимости между твоим днищем и утками, так тут ещё каждый рывок оттягивает тебя с большей силой, чем ты приложил.

– Так это усталость. От нее неплохо помогает алкоголь, – ехидно подметила девочка в зеленой юбочке.

– Помогает злость. Была знакомая, которую прямо-таки распирало от моего злого эго, когда сердился на кого-либо. На работника, водителя гребаного авто рядом, соседа, официанта с теплой водочкой. Она буквально перлась от количества эндорфинов, приливающих к ее лицу. Ее жарило! Она говорила, что нет более мощного потока энергии, чем разрушительная. Эта сука питалась моей слабостью к вспыльчивости, – эта часть монолога особенно понравилась девчатам, и они в голос засмеялись. – Она пошла лесом, как и ее тео-

рия про спонсоров. Речь не об этом. В чем она точно права, так именно во внутреннем потенциале атомной, нет, водородной бомбы, сидящей в каждом из нас. Кто-то может ее просто достать, кому-то приходится прикладывать усилия для ее извлечения. Но этот энергетический потенциал есть внутри каждого.

– Ты хочешь сказать: чтобы что-то делать – нужно быть злым? – встрял бугай, прозванный мной Ершом.

– Хочу сказать, что злость – это твой резерв на случай, если застрял. А созидание и так придет в твою лохматую жизнь.

До проходной общежития МосГУВ добрались на удивление быстро. Бауэру хотелось общения, как спасательного круга.

– У меня в блоке 0.7 текилы и килограмм лайма, – закинул удочку брюнет.

Студентов не нужно уговаривать. Это живые, не обремененные обязательствами свободные люди, полные желания жить. Возможность продолжить веселье произвело эффект фейерверка – студенты были счастливы. А вот Ерш Бауэра ненавидел. Его гениальный план напоить Акулу и притащить к себе в блок шел ко дну. Единственная возможность лишиться себя онанизма в этот вечер и стать полноценным членом общества растворялась прямо на глазах.

– Наверно, в другой раз, – ответил Ерш на мое предложение, пытаюсь приобнять Акулу. Та убрала его руку.

– В другой раз так в другой раз! А остальные – милости просим в корпус «Г», блок №801! – не менжуйсь, перехватил внимание Евлахич.

Евлахов – студент-вокалист, признавший в Бауэре товарища у бара, – был прелюбопытнейшим персонажем, наделенным талантом влезать в души всех и каждого. Его умение разбалтывать и убалтывать ходило легендами по общегитию и создавало ореол одновременно опасности и притягательности вокруг этого неординарного человека. По нему сохли первокурсницы и чахли в воспоминаниях однокурсницы, апробированные и затем забытые этим тасманским сексуальным дьяволом, стоило ему запеть на очередном университетском празднике.

Этот Фрэнк Синатра очаровывал с первых нот скучающие по кумирам одинокие сердечки, создавая для них новый эталон идеального любовника. Неугомонный нрав и желание побеждать давали множество новых знакомств и, как следствие, поклонниц, уже образовавших небольшой легион. Думается, у этих девочек будущих первенцев будут звать непременно Андрюшками, как и их кумира Андрея Евлахова. Называя свое чадо именами полюбившихся или понравившихся людей, барышни получают иллюзию, что и их дитя будет жить такой же полной жизнью, как и их кумир. Только они не знают одной, очень важной детали: такая ненасытность – признак большого черного пятна внутри, которое хочется как можно усерднее закрасить, но оно отчего-то снова

проявляется, и приходится, изнашиваясь, снова красить будни. Это круговая порука, иногда рай, иногда ад. Думается, по этой причине мы с ним так быстро нашли общий язык.

Евлахич был третьим ребенком в семье. Любовь к музыке пришла не сразу. После жутких скандалов и отсутствия желания сидеть за сольфеджио, прогулами по вокалу и игре на струнных он к четырнадцати годам отчетливо понял: девочки охотно клюют на его пение и игру на гитаре. Каждая в этой компании, независимо от того, с кем пришла и с кем намеревалась уйти, жаждала осчастливить Евлахича. Чем, собственно, и занимались по окончании посиделок. За это его любили самодостаточные ребята, умеющие ценить искусство и использовать его присутствие в своих интересах под подмокшие писечки подтаявших девчат. Но за то же его ненавидели и другие – более узколобые, теряющие очки привлекательности на фоне дворового Элвиса Пресли в глазах подруг. Были и разборки, и драки, где приходилось отбивать свое право доминировать. Евлахич давно понял: все люди волки, нужно жить своими интересами. Но также понимал, что без стаи никуда. Потому выбирал пассий исходя из кода благородства и клал на свое ложе свободных от отношений барышень.

С остальными студентами Бауэр был не знаком. Но все они так или иначе подходили под кодификацию студентов общежития: бати, шалашовки, заводилы, пионеры.

Двери в общежитие традиционно закрыты с одиннадца-

ти ночи до шести утра. По мнению администрации, студент должен только учиться. А для этого ему нужен здоровый сон и режим. Но как быть, если твой режим отличается от режима администрации? Ничего, можно спать когда хочешь и жить как вздумается, если с тобой Евлахич. Два слова хмурому охраннику, которого заставили проснуться и отворить двери во дворец веселья и жаждущих принцесс, и студенты спокойно проникают внутрь.

Поднялись на нужный этаж резво. Вообще, когда пьян, отчего-то все происходит очень быстро, если не мимолетно. Быстро наступает утро, расстояние преодолевается моментально и без усилий. Единственное, что не отстывает быстро, так это вертолеты, кружащие тебя на своих алкогольных лопастях.

Тишину коридоров сотрясал шум, звонкий девичий смех, грохот хлопающих дверей.

– Добро пожаловать в мои палаты! – открывая дверь, шумно сообщил Бауэр студентам.

Блоки в общежитии Московского Гуманитарного Университета Врубеля были либо восемь квадратных метров, либо двенадцать. По регламенту положено заселять либо по два, либо по три студента в один блок. Но в своем блоке Бауэр жил один. Это придавало его образу еще больше таинственности.

Появившийся внезапно в стенах общаги студент полгода назад не заводил ни с кем знакомств, имел возможность до-

стуга в кабинет коменданта общежития и часто встречался беседующим на равных с различными преподавателями, доцентами, профессорами вуза. Был опрятен и больше походил либо на студента четвертого курса, либо вовсе на аспиранта двадцати шести лет. Не излучал озлобленности и был приятен внешне.

Эта персона не давала покоя Бате, местному студенческому авторитету, пославшему на разведку свою шалашовку. Но не получив ровным счетом ничего, она вернулась обескураженная обратно – ее отвергли. После были разборки с рассечением кожных покровов на суровом лице брюнета и кровью, раскрасившей всю одежду.

Общага ненавидела охрану за то, что та устраивала периодически рейды по этажам, выискивая нарушителей режима. Студенты, не заморачиваясь выходом за пределы общаги, курили на общих кухнях, за что и платили выговорами и, в случае повторных нарушений, выдворением за пределы общежития.

Но в блоке Бауэра дозволялось все. Датчики дыма не срабатывали, а старший смены, при необходимости, не открывал ключом дверь комнаты этого непонятного студента, как это было с остальными, а кротко стучал, боясь побеспокоить своим присутствием.

– Это мои покои. За беспорядок прошу у дам прощения, – он пнул дверь, та широко открылась.

Комната отличалась от привычных студенческих еще

и тем, что в ней была одна огромная кровать, один стул и стол, украшенный настольной черной лампой. Кровать была застелена пледом с рычащим тигром, оскалившимся на гостей. Беспорядка не было, да и не из чего было его создавать. Раз в неделю приходила уборщица, мыла полы и вытирала пыль – что вызывало у наблюдавших соседей Бауэра еще больше недоумения. На стенах висели рисунки женщин в разных ипостасях. Прелестные русалки и демонические красавицы смотрели на гостей студента юридического факультета.

– Так ты рисуешь? – восхищенно поинтересовался Евлахич.

– Так, хобби. Иногда нужно чем-то отвлечь мысли. Евлахич, холодильник, текила, стаканчики, пицца – все в одном месте. Мне явно надо привести себя в порядок.

Брюнет, не смущаясь гостей, разделся догола, закинул все снятое в пакет и как ни в чем не бывало обернул полотенце вокруг себя. Вышел, не закрывая дверь.

Студенты переглянулись, трезвея от такого поворота событий, и хотели было удалиться от греха подальше, но любопытство Евлахича заставило их остаться и разлить всем первую порцию текилы.

– Он какой-то странный, – начала разговор рыжая. – При нас скинул шмотки, блестя ягодицами. Словно так и должно быть.

– Он не такой, как ты, но не опасный, если ты об этом, –

возразил Андрей. – Или ты хочешь сказать, что это первый голый парень, которого тебе довелось видеть? – уже с издевкой подметил Евлахич.

– Ну, нет. Просто вот так взял и разделся, размахивая своим. . .

– Он тебе понравился? – развеселившись, продолжал подкалывать Андрей.

– Наливай уже по второй! – встряла Акула, одновременно спасая подругу от смущения и насмешек и в то же время не давая конкурентке развить мысль о приглянувшемся ей мужчине.

Текила послушно расплескалась по бумажным стаканчикам, на которых красовались пестрые звездочки, красочные ленточки и надпись «Хеппи бездей».

Текила – приятный напиток. Несмотря на свою крепость в 38%, идет очень легко, почти не оставляя неприятного привкуса кактусового самогона, приятно подкашивает ноги и делает речь похожей на хурму – немного вяжет, но оставляет сознание светлым, чуть облегченным.

Студенты быстро нашли, чем себя занять: бесцеремонно лазая по комнате, они изучали Бауэра, сопроводив шаловливое беззаконие Ньюсами и Блэкстарами, что придавало их движениям уверенной ритмичности. Но смотреть, кроме папок с рисунками и набросков по дипломной работе, как оказалось, было нечего. Комната не хранила претензий на постоянное место проживания – только часть личности обита-

теля своих стен. Примерно так же, как и гостиничный номер не оставляет на себе следов постояльцев. Поэтому студенты переключились на творчество хозяина комнаты в надежде через наброски хоть немного, но все же глубже узнать Бауэра.

Кран смесителя скрипнул, и прохладная вода полилась на Бауэра. Пот, грязь и следы непростой недели сползали под напором душа и тонули в сливе. Рельефное тело стало блестящим от струй чистой воды, делающей и Бауэра чище, легче. Уходила не только усталость, но и тяжесть, висевшая грузом на поникших плечах. Глаза были закрыты. Мужчина погружался в себя.

– Акула. Такая юная и уже такая зрелая, – ухмылка растянула тонкие губы Бауэра. Вода сверкала, падая на грудь и руки. – Хищница. Перекусит жилы, вонзив острые, как бритва, триста зубов. Кровь хлынет, разбавив океан пурпуром, и мы сплетемся в страстном танце смерти. Пряма поэзия, блин! – собственная вычурность рассмешила Бауэра, он расхохотался. – Хищница.

– О, вот это прикольная работка! – Евлахиц взял листок из папки и поднял до уровня глаз, словно прицеливался, как бы она здорово смотрелась в его блоке на стене. В этот момент посвежевший Бауэр зашел в комнату.

– Леха, подари мне этот рисунок! – заявил Андрей.

– Зачем тебе автопортрет?

– Это ты? Думал, наркоман, а снизу спринтер.

– Все верно. Это мой бес и мои устремления. Эскиз для тату. Возьми что-нибудь другое. Остальное свободно от претензий и ревности. Выбирай.

Андрей начал копошиться в папке, выбирая рисунок.

– Ты на каком факультете и какой курс? – спросила Акула.

– Юридический факультет, последний курс. И от чего у нас сохнут фужеры? – иронично подметил Бауэр. Взял бутылку, уже успевшую покрыться конденсатом. – Кому?

Студенты не заставляли себя ждать и выверенными движениями получили свои сорок грамм.

– Если бы университеты предлагали альтернативу в виде других факультетов неуспевающим студентам, явно не заинтересованным в обучении, то успеваемость в вузах точно бы выросла, как, собственно, и прибыль вуза. Лучше все же дать второй шанс отчисляемому студенту, чем иметь подавленно-го и озлобленного бывшего абитуриента, – начала декламировать девочка в зеленой юбочке.

– Да кому это надо?! Довели до четвертого курса и дали пендаль без возможности сдать долги. Получив последний платеж, разумеется, —озлобленно заявила Акула.

– У тебя много долгов? – спросил Бауэр.

– Есть немного.

– В любом случае, только от тебя зависит, насколько тебе интересно то образование, которое ты получишь. Согласись, глупо винить других в том, что тебе неинтересно освоение скучных талмудов нудных преподавателей, декламирующих

банальности и не дающих свежий материал, – продолжил начатую тему Бауэр.

– Да, но они действительно скучные и нудные, – подтвердила Акула.

– И все же только от тебя зависит, будешь ты учиться или нет. Можно перевестись в другой вуз, устроиться для этого на работу и идти к цели, – философствовала зеленая юбочка.

– Цели – это хорошо. Мне двадцать два, а я до сих пор не знаю, чего хочу, – уже смущенно призналась Акула.

«Двадцать два – это на десять лет меньше, чем мне, – подумалось Бауэру, – у тебя все еще впереди, девочка. Взлеты, падения, любовь, разбитые сердца, разочарование в людях и то самое дно, о котором говорил ранее. Тебе столько всего еще предстоит попробовать, и этими алыми губами в том числе».

– У тебя все еще впереди, – лаконично добавил Бауэр, разливая текилу.

– Некоторым все дается очень просто, – продолжала Зеленая юбочка. – Тусуешься, как-то учишься, выбираешь себе парня. Этот мудака, этот козел и этот тоже. А у Катки с соседнего корпуса все легко. Толком не училась, постоянно тусовалась. Один раз ее выгнали с общаги, то ли за курение, то ли за распитие. Три месяца шифровалась по блокам, по левым пропускам проходила, лишь бы родители не узнали. К ней толпами ходили ухажеры с цветами, подарками. Она с одним погуляет, с другим потусуеться. Потом раз –

и замужем! Сморчок какой-то бегал за ней. Съехала с общаги в квартиру к мужу и на учебу забила. Вот как так? Вроде ведешь себя прилично, – она опорожнила пластиковый стаканчик. – Имеешь в меру разных отношений, извините, писькой не светишь, а в жены не зовут, цветов не дарят. Что в ней такого, что аж бредили по ней? Ведь девчонка обычная. Немного пухленькая, толстые ляжки.

– Все просто, мои дорогие, – ответил Бауэр. – Она просто хороший HR. Она грамотно подбирала кандидатуры. Если не осознанно, то благодаря чутью. В отличие от вас, она выбирает партнеров слабее себя. Она их отлично понимает и, соответственно, лучше ими манипулирует, что дает ей колоссальную фору. Она позволяла открываться тьюфякам, давала им почувствовать себя мужчинами. За что ее и боготворили уже настоящие и зрелые кавалеры, даря подарки в виде кондитерки и флористики. Забавный оборот: вы ждете комплиментов от абстрактных образов принцев, придираясь к кандидатурам на высочайшем уровне. Она же, в свою очередь, брала конкретную заготовочку и лепила из нее своего Голема, послушного, слеповатого. Видимо, мужикам не настолько важна внешность, насколько ощущение зрелости, самостоятельности. Главное, удовлетворить маленького зверька внутри каждого мужичка, понимаете? – девчата послушно кивнули. – Она хорошо знакома с этим зверьком и отлично видела, у кого он есть, и обильно его откармливала, дрессировала, обожала. Нет ничего постыдного в том, чтобы

желать сильного спутника рядом, решающего все проблемы. Но в этом варианте вы передаете себя целиком в его руки. И с этого момента не решаете ничего и никого не контролируете. Не в смысле контроля «куда пошел, кто звонил», а в смысле предсказуемости и манипуляции. Так что это ваш выбор.

– Вот ты завернул! – подметил Евлахич.

– В этом есть логика, – кивнула рыжая в зеленой юбочке.

Евлахич сидел за столом, рядом с ним студентки Акула и рыжая. Бауэр лежал поперек кровати, спустив ноги вниз. Сидеть было тяжело и желания напрягаться не было совсем. Закинув голову, он монотонно говорил. Сидевший спиной и перелистывающий рисунки Евлахич обернулся под конец диалога про успешных HR. Увидев распластавшегося соратника, он дернул головой: «Пора идти».

– Лех, вот этого быка возьму? – тихо поинтересовался Андрей.

– Конечно! – ответил не поднимая головы Бауэр.

Студенты вышли, прикрыв дверь.

«Иногда конец – это начало, только что-то никак до этого конца не дойду. И есть ли он или это бесконечная прямая?» – думалось Бауэру.

Утреннее солнце уже начало окрашивать красным дверь в комнату. В этот момент прозвучал кроткий стук. «Кому понадобился Бауэр в такое время?» – звучало в его голове, но он не встал. Прозвучал еще один, более настойчивый, ко-

роткий стук.

– Открыто! – приподнявшись на локти, сообщил немного протрезвевший бывший рязанский бомж.

Дверь тихо отворилась, в комнату зашла переодевшаяся в короткие шелковые шортики и маечку Акула. Резко пахнуло сладким ароматом «Шанель № хер знает какой», и она закрыла за собой дверь на ключ.

– В общежитии принято запирают дверь, а мы ушли просто прикрыв, – Акула пыталась осторожно уловить настроение Бауэра и понять, желанно или нет ее присутствие.

– Закрыла?

Акула кивнула.

– Раздевайся.

Девушка оторопела от такой наглости.

– Или ты пришла решать логарифмы? В них точно не силен. И подай текилы и себе налей. С лаймом, будь любезна.

Одежда – средство защиты от социума. Мы надеваем на себя сбрую из кофт и штанов, доспехи из курток и жилеток, призванные отразить стрелы нападок нетолерантных имбецилов, жаждущих доминирования и лошкков для своего эго.

Одежда – амулет, защищающий от сглаза, как феромон, притягивающий потенциального спутника, одежда – вызов. Одежда – уютная гавань домашнего спокойствия и одиночества. Это «спасибо» самому себе за терпение, мужество, стойкость, за то, что ты есть, и это все высказано через бар-

хатный халат, мягкие тапочки. Кусок ткани на теле с целью создать зону комфорта. Потому одежда – это эмоциональное состояние. Мрачная, яркая, пестрая, вычурная – раскрашивает нашу мораль, нашу готовность к действиям. Не подходит – ужалю, приласкай, готова на все, больше страсти, сама по себе кошка. Если хотите, чтобы вас неправильно поняли, то оденьтесь диаметрально противоположно своему посылу, и все получится.

Но что будет с вами без нее? Если ваше тело останется само по себе телом и кожа покроется мурашками от угрозы, потенциально скрытого через окно соседнего дома взгляда шизофреника с параноидальными претензиями на баланс во всем мире посредством черного и белого, жаждущего восстановить хрупкое равновесие через летальный пизд..ц любому покусившемуся на идеалы его мира, то что тогда? Неужели ваш мир перестанет существовать, живая энергия постепенно покинет ваше тело и в вялых муках в скором времени вы дойдете до агонии? Или посмотрите в отражение на свое немного обрюзгшее, но все еще подвижное тело, готовое к приключениям, открытое страсти и овациям? Пройдетесь нагим по комнате. А после уснете, ощутив прохладу простыни и своего бесстыдства, переходящую в обволакивающую теплоту. Не эксгибиционист вам имя, а нудист – человек единый с природой, с собой.

Бауэр сегодня был един с природой не один.

За год до...

«Одиноким быть не сложно. Сложно быть зависимым. Зависимым от оценки, мнений и людей. Сложно подстраивать свою жизнь под чьи-то критерии, вести себя так, как вести не хочется, и делать то, что не делал бы вовсе».

Меня зовут Бауэр. Мне уже тридцать один. И теперь отошусь к людям среднего возраста. У меня есть квартира в Москве, есть внедорожник и чувство юмора. Если первое и второе крайне важно для девочек, то без третьего мне сложно принять их. Моя философия проста, как обед в советской столовке: первое, второе, третье. Есть нужно вкусно и регулярно.

Моей активности, предприимчивости и креатива хватит на восьмерых, – так думают обо мне. А сам думаю, что мне повезло с воспитанием, повезло с работой и повезло жить в Москве. Приятные случайности и трудовой фанатизм сделали из меня того, кем сейчас являюсь. Все чаще задумываюсь о глубинных смыслах бытия, спорю сам с собой. Думается, это признак надвигающейся одинокой старости. Как говорил отец: всему свое время. И он прав. А сейчас, думается, самое время жить.

– Как у вас тут людно! – не без иронии подметил, увидев пустующий зал банка. – Буквально пришлось пробиваться

сквозь толпу, чтобы с вами поздороваться и забрать свою перевыпущенную карту. Несколько клерков, раскиданных по периметру зала, оторвали свой застывший, якобы в работе, взгляд от мониторов.

Девушка, к которой была обращена реприза, с жирно подведенными большими зелеными глазами и ярко напомаженными алыми губами, улыбалась, и было видно: в ее голове полный каламбур от мыслей, и информация, вылетевшая из моей головы, переварилась с запозданием. Улыбка была не дежурным инструментом и буквально не сходила с лица молодой обворожительной кокетки, явно смущенной своим замешательством.

– Карта, карта. На чье имя? Ваш паспорт, – пройдясь по нему, лучезарная Алена всем видом показывала условность этого операционного действия. Но невербальных знаков было предостаточно, и, не сводя глаз с нее, продолжал говорить, отвечая на стандартные регламентные вопросы сотрудницы. Ее блузка была помята, и белая ткань предательски выдавала засаленный воротник и рукава. Явно куда-то несется, не к карьере точно, хотя искренне желает признания.

– Меня явно недооценивают! – продолжала затянувшийся диалог Алена. – Прохожу курсы, обучения, людям предлагаю новый продукт. Вот смотрите, вы перевели вашу пенсию из ПФР? Нет?! – эта новость ее обрадовала. Она заулыбалась еще больше. Казалось, ее радости не было преде-

ла, и рот, растягиваясь, того и гляди дошел бы до затылка, описав круг. – Тогда давайте обсудим, – продолжая расцветать, затараторила банкирша. От ее импульсивности становилось неотвратимо смешно. – Сколько планируете откладывать в месяц?

– 500 будет достаточно, – ответил не задумываясь. – В конце концов, сумму можно при желании увеличить, верно понимаю? – пристальный взгляд она пыталась спрятать за улыбкой. Она текла. Плотная облегающая черная юбка, разделявшая ее попку и корпоративную пластиковую мебель, напивалась соком страсти. Оттого и елозила по сиденью – становилось уж слишком мокро.

– Возьму все, что вы предложите, – старался говорить медленнее, переходя на приятный баритон. Меня стала забавлять импульсивность девочки за столом. Мои глаза бегали по мелкому листку за взятой без спроса ее ручкой, выводящей чернилами слова: «Во сколько заканчиваешь?».

– Мне крайне интересно все то, что вы предлагаете, – говорить и писать отчего-то было легко. Фатальный Юлий Цезарь гордился бы мной.

Не без успеха она проделала тот же шпионский финт и мы оказались втянуты в крутой блокбастер, где в главной роли была парочка отвязных страстных любовников и их шпионская переписка. Мне захотелось с ней играть, то же почувствовала и она. В этот момент ее ручей зажурчал. И влажная юбка стала настолько мокрой, что уже не могла вмещать в се-

бя весь объем радости и пропустила струю нежности по ноге до самого каблука.

Прочитав тайное послание, Алена ответила «В 19:00!!!» и пририсовала к моему корявому цветочку не менее корявую бабочку. Путь к ее вагинке был открыт. Мой локомотив хоть сейчас готов был освоить ее тоннель, растянув ее улыбку на заднем сиденье одиноко ждущего на парковке внедора.

Ее рабочий день закончился быстро. Как оказалось, банкирша не нуждалась в автомобильном эскорте и могла самостоятельно добраться до дома на своей малышке.

Показывая, какая она самодостаточная, Алена села в свой желтый трехдверный «Опель», написав предварительно конечный адрес. Ей хотелось быть в моих глазах независимой – ведь таких сложнее добиться банальными букетами.

Она поднялась к себе и на удивление быстро сменила внешний вид банковского клерка на облик роковой дивы. Спустившись, она не торопилась залезть ко мне в машину: остановилась на тротуаре, закурила и, выманивая взглядом, пускала стрелы. Присоединился. Смотрел на нее и страстно хотелось залезть гораздо глубже ее трусиков, куда-то ближе к сердцу. Рядом, кстати, оказался бар с крафтовой мешаниной и бородатым барменом.

Вискарь оказался не «паленый», мясо вкусным, беседа гладкой. Пила она немного, высматривая мои нотки отношения к пьющим девочкам. А мне было все равно. Можно выпить и ведро пойла, главное, чтобы были честны со мной. Са-

мое отвратительное сексуальное извращение – это секс без страсти, без желания. Отсюда и грустные истории про «бревна» и «сухие пещерки». Фольклор пестрит юмором на эту тему: «Таблетки нужно хранить в темном и сухом месте. Ну вот, хоть где-то пригодилась пи... а твоей подруги».

Бывает так, что голод приходит во время еды, не спорю. Это когда подружка лежит в ночнушке, готовая ко сну, только начала похрапывать, а ты ей предлагаешь свою настойчивую страсть. Вроде бы не хотелось и лень, но вошла во вкус и становится все горячее. Огонек распалает низ живота, и твой вал уже не елозит, как ластик, цепляясь за ватман, а скользит, как смазанная лыжа. Это страсть.

Подружки-завистливые-сучки, закат на Пхукете, селфи под яблоней, образ печальной принцессы – когда все это становится второстепенным ради хорошего секса, подкрепленного страстью жеребца, тогда романтика играет другими гранями настоящего и слегка грубого, но все же девичьего счастья без прикрас.

К черту романтику! Она для фригидных неофитов культа саг про сопливое говно! Так что пей, Алена, свое пойло, мне нужна ты без надуманных блоков. Виски с колой придумали, чтобы из таких озорных девочек выскакивал мистер Хайд и демонстрировал все, чему научился.

– У тебя есть дети? – неожиданно выпалила Алена.

– Если бы были, это изменило бы твое отношение ко мне? – «Что за подготовка к ЗАГСу? – стрельнула мысль.

И что у тебя вертится вообще в голове? Неужели произвожу впечатление стабильного, уравновешенного жениха в поисках своей голубки? Алена, посмотри, пока ты цедишь первый стакан коктейля, Бауэр уже разменял третий за семь минут! Какая стабильность, о чем ты думаешь?!».

Было видно ее внутреннее метание между настоящей оторвой Аленой и банкиршей, старающейся держать марку. Ничего, Леша подождет.

– Фигуристки лучше всех следят за своими фигурами.

– Смешно, ха-ха-ха! – ее смех оказался звонким, четким.

Чем откровеннее ржет персонаж, тем душевнее сам по себе человек, более открытый, что ли. Эту дурацкую черту давно подметил. А еще такие девчата умеют отрываться.

– Что будем есть? – спросила она, уставившись в меню.

– Все, что хочешь. По идее, котлеты в местном пабе должны быть тоже крафтовыми и сочными, – мне хотелось сделать акцент на двусмысленности слова «сочность». Смотрел ей прямо в глаза, немного улыбаясь при этом.

Она блеснула в ответ зелеными изумрудами и, как опытный ловец, завуалировала свой посыл молчаливым игнорированием моего межстрочного диалога. Игра продолжалась.

Гамбургеры готовили непривычно долго.

– Видимо, он, – кивнул в сторону бара, – и за бармена, и за бухгалтера, и за повара, и сам себе за жену, – вырвалось из меня от нетерпения.

Алена рассмеялась в голос. Она раскрывалась, как хри-

зантема, с каждым глотком, показывая свои устремленные всюду и никуда лепестки-интересы, и тем радовала меня. На время забылось желание всадить шутя этой малышке.

Поужинав, она не отказалась сесть в машину. Не долго размышляя, под включенную музыку нежно направил ее подбородок в свою сторону. Алена уверенно поддалась и, впиваясь губами, начала постанывать. Маленький язычок умело вертелся, сначала словно рапирой отбиваясь от моих атак на своей территории, а после перейдя в наступление ко мне. Она приятно пахла. И «Егорка» подскочил. Вообще, запах – одно из самых главных проявлений женщины. Она не должна пахнуть рыбой, перевариваемой пищей или вчерашним днем. Возбуждение вернулось от Егорки в голову, от головы к рукам, и они потянулись ласкать незнакомое тело такой притягательной Алены. Но добравшись до ее гнезда раздора, получил конкретное «нет».

– Все так хорошо начиналось, – прессовалозорную девочку.

– Ты мне нравишься.

– А так буду нравиться еще больше.

– Мне пора.

И она вышла, прикурив себе и мне.

– Рад был с тобой встретиться, это был насыщенный день.

Она докуривала уже по пути к своему дому, обернувшись лишь на повороте, чтобы убедиться, слежу ли за ней. Следил.

Ехал с мыслью, что мои трусы промокли. И меня забавля-

ла способность не злиться, что будучи сытым, остался в этот вечер все же голодным.

Через день мы списались. Признаться, ненавижу длинные переписки, такие же длинные разговоры и лобковые волосы. Последнее – атавизм для неандертальцев, жующих бананы и пукающих на свои пальцы.

Договорились, что заеду так же в 19:00. Вообще, девушки, знайте: когда вы договариваетесь о времени, опаздывая на десять минут, вы еще милы («Наверное, прихорашивается для меня», – так думают ожидающие принцы), когда на двадцать – вы уже тупеете в глазах кавалера, когда на пятьдесят – появляется мысль: «Трахну ее на раз очень грязно, забуду и заблокирую контакты».

Барышни явно перебарщивают с надоевшим стереотипом об ожидании, забывая, что и нам известен этот избитый инструмент. Аксиома: минута ожидания – минус грамм уважения!

В итоге Алена вышла в 19:25 в хорошем расположении духа. Даже не вышла, а выстрелила, как снаряд, пнув дверь банка ногой, словно шалопай-школьник закончил учебный год, и ему было все равно, что осталось за его спиной, – он наконец свободен. Дождалась! Она хлебнула от души с радостной миной глоток воздуха и продекламовала:

– Это никогда не кончится! Они явно хотят меня выдрать сначала поочередно, а потом все разом, – затараторила Але-

на.

– Шли их лесом, у тебя все впереди!

– Не могу, ипотека, сын, – она продолжала курить и словно не обращала внимания, как я отреагировал на наличие нового героя в нашем романе.

Что это, переход к новому формату взаимоотношений? То, что она приняла какое-то решение в отношении меня, это понятно. Не будущий муж – факт! Почему не побоялась сообщить о своем двойном грузе? Она не из тех, кто припадает ушами к сладким комплиментам. Да и сам был не из тех, кто будет раскидываться эпитетами и ожиданиями, склоняя к постели через ложь. Значит, сегодня будет веселее.

Поехали на ее желтом «Опеле». Это чудо оказалось на удивление юрким, входило резко в повороты, слушалось молниеносно руля и педалей. А пробитый глушитель создавал ощущение присутствия подо мной гоночного кара, способного порвать все, в том числе и мой зад. Ощущения были смешанные. Она пыталась произвести впечатление опытного водителя, кидая свою блоху то в одну полосу, то в другую, влезая между машин. Ремень незаметно застегнулся на мне. Зазвучал шансон. Пазл собирался в голове. Представился лесоповал, двенашка строгача, и она ублажает «мамочку».

– Я слишком резко вожу? – не без радости в голосе спросила Алена.

– Не то чтобы, нормально. Просто водители нынче пошли не ахти какие, могут не успеть отскочить.

Ей нравилось быть в моих глазах не такой, как все. И она такой была. Даже слишком не такой.

Мы приехали на ту же парковку, что и в прошлый раз. Тот же паб, ее дом напротив.

– Давай, сразу пойду в паб, а ты подрывайся туда, как перо денешься, – не дожидаясь ответа, вышел из авто.

Быть может, она представляла себя водителем такси из одноименной французской кинокартины? Или пчелкой, беззаботно летающей от ромашки к ромашке? Потому столько драйва за рулем.

Вечер стал похож на предыдущий, интрига уходила, а секса хотелось больше. Представил, какая она без одежды. Голые плечи, не скованные ляжками белья. Маленькие колечки, пропадающие за моими руками. И чуть виноватый взгляд.

Она много говорила, ей нужно говорить, иначе потеряет равновесие. Она пила коктейль, ела салат, смеялась в голос и блестя глазами. Сегодня достаточно было кивать и иногда говорить короткими фразами. Это ее вечер.

– Паб закрывается, нам пора.

– А твоя машина? – спросила Алена.

– Помню, где она, и заберу завтра.

– Поехали. Прокатимся, – неожиданно взяла в свои руки сюжетную линию банкирша.

Ремень сразу пристегнулся на мне. С трудом сглотнул. Зазвучал шансон. И желтый жук запердел на всю улицу.

Живет она в районе, где были только новостройки, – «Новокосино-2» вроде. Слева от нас, вдоль дороги, пробежали жилые массивы, а справа – поля, холмы, перерытые бульдозерами. Доехав до конца улицы, мы уперлись в широкую развилку, которая в перспективе должна была стать пересечением нескольких дорог. Но сейчас там ничего не пересекалось и стояли бетонные блоки, освещаемые уличными фонарями. В одной части припарковались пять или шесть машин с молодыми девушками и ребятами. Те дрифтовали, курили и выпивали.

– Давай все же не стареть, несмотря на твои двадцать восемь? – улыбнулся и включил радио вместо Круга. – Дай прокатиться на твоём зверьке.

– Ты не поместишься, – засмеялась Алена.

– Как-то же сел пассажиром.

Действительно, машина сделана для подростков и миниатюрных барышень, пришлось самому подстраиваться под зеркала и вылет руля, садясь глубже в водительское сидение. Провернул ключ, и дохнувшая блоха туберкулезно закашляла. Толпа дрифтеров обернулась и замерла в ожидании. Звук, издаваемый авто, больше подошел бы «Форд Мустангу» или любому другому масл кару. Мы тронулись, и в этот момент навстречу нам выкатился патрульный автомобиль. Главное, морда кирпичом и не паниковать. В конце концов, это небольшой штраф за отсутствие в страховке вписанного лица, допущенного к управлению, а алкашку сам даже

не чувствую – уже выветрилась. Но Алена не была того же мнения и оттого вжалась в пассажирское сидение, открылся алый рот, дыхание сперло. Захотел ее жадно. Патруль проехал дальше. Видимо, ребята на тачках куражатся все ночи напролет, чем досаждают соседним многоэтажкам. Потому и патрулируют здесь, не давая молодым и беспринципным разгуляться.

Сделав круг, мы славно пожамкались. Мне льстила возможность трогать фигуристую красавицу на освещенной площадке. Оттого завелся, как бес, и начал склонять зеленоглазую к интиму. В этот раз мне дозволено было чуть больше. Можно было помять маленькую грудь и грязно полапать бедра курочки. Понятно, она идет по женским фреймам. Постулаты гласят: не делать слишком доступным свой пирожок! А маленькие радости только на третьем или пятом свидании. Вот кто та тварь, и почему ей удалось убедить такое количество милых созданий целоваться на третьем, а скидывать штанишки не раньше пятого свидания? Жамкались мы до глубокой ночи.

– Тебе на работу-то нужно? – поинтересовался, поняв бессмысленность пустых лобызаний.

– Да.

– Тогда поехали до тебя, вызову такси. И тебе нужно с глушителем, если в нем, конечно, дело, что-то делать. Это может рано или поздно сказаться на твоём движке. И, видимо, масло нужно менять, свечи. Посмотри, горит чек, и двига-

тель на холостых работает нестабильно.

– Нормально все, езжу же пока.

– Потом она встанет – плакать будешь.

– Не встанет, – упрячилась логике Аленка.

– Давай завтра посмотрю. Отвезу ребятам, продиагностируют.

– Как хочешь.

– Мне не сложно. Они посмотрят. Тебе скажу, что там, а далее примешь решение сама, что с ней делать.

– Хорошо.

– Завтра заеду за ключами.

Часов в 11:00 был у нее в банке, забрал ключи, поймав во взгляде Алены удивление от моей решимости и сомнение, а кто Бауэр вообще такой? Отдаю ему машину, а вдруг развод и прощай, желтая блоха? Но ключи она все же вложила в руку, пристально сканируя меня.

Ремонтировать особо было нечего. Глушитель заварили аргоном и долили масла в двигатель. Его действительно было мало. Индикатор тревоги пропал с монитора космической капсулы, немного покрутив двигатель на холостых. Машина превратилась из умирающей лягушки в стрекочущего желтого жука.

Знакомые парни в сервисе покрыли машину и меня тонной сарказма. «Поменял свой внедор на настоящий автомобиль? Изменил жизнь к лучшему?». «Нет, – отвечаю, – про-

сто нарастил себе член и не нуждаюсь в больших и мощных тачках».

Мужской юмор всегда более едкий и болезненный. Бьет по уязвимым и неожиданным местам. Это бокс. Сейчас тебе в голову послали два коротких джеба, зазевался и получил по печени. «Видимо, – говорю парням, – не нужно заправляться на малознакомых заправках. Машина чихнула, скинув с себя всю брутальность, и пожелтела заодно».

Желтенький «Опель» готов был выслушивать любые унижения из благодарности за восстановленное сердцебиение и приличный выхлоп.

Театрально имитируя цыпленка – постукивание по бокам локтями, придурковатая походка и звуки пернатого, – ребята из сервиса попрощались со мной.

– Все готово, жду тебя на улице, отвезу домой, – положил трубку, услышав «хорошо».

Ее машину оставили у банка, как желтое яркое пятно на зеленом корпоративном жакете Сбера.

– Сегодня поедем не туда, покажу, где буду жить.

– Отлично, говори адрес, но сначала поесть и выпить, – поставил перед ней обязательное к выполнению условие. Если предстоит веселье, то пусть оно будет на сытый желудок и дурную хмельную голову.

Паб нам был рад. Долго не рассиживаясь, мы откушали полюбившегося бургера, запили вискарем.

– Девушка, а вы не из дворян, случайно, будете? Да, но...

как вы догадались? Уж больно сиськи у вас благородные. И жопа такая... знатная!

Аленка от неожиданной репризы дико расхохоталась, выплюнув часть гамбургера. Пытаясь его поймать, опрокинула стакан с алко. Отчего стало еще смешнее.

– Если тебе не понравился бургер, то сразу бы так и сказала. Ни к чему им меня расстреливать, – смеялся ей в унисон.

В пабе сидела еще одна парочка. На наше гоготание они ответили демонстративным выходом из заведения.

– Слушай, так в нашем распоряжении целое заведение! Аленка, этот вечер посвящен тебе! Этот паб арендован для нашего рандеву! Заказывай песню!

– «Владимирский централ»! – пульнула зеленоглазая.

Кто этот зрелый мужчина, что подсадил тебя на эту тяжелую, в смысле текстов и грусти, музыку? Она не говорила о нем. Видимо, болезненное было расставание.

Она рассказывала, как вела бизнес. Наверняка, это он купил ей вендинговые автоматы, в которых было все: и вода, и снеки, и шоколадки, и даже фотобудка. Странно, что разработчики этого чуда не вставили в него сауну и возможность одной кнопкой вызывать путан. В этом случае агрегат был бы популярен. Но по факту обслуживание выходило излишне дорогим, а владелец помещений, где размещались автоматы, оказался не слишком порядочным. Очередное повышение аренды он бы отменил, но вот мотивации у него мало, «понимаешь?». И Аленка все понимала.

Она волновала и манила. Она дурманила и опьяняла. Но ей хотелось выбирать себе партнеров по любви, а не по выгоде. А он, арендодатель, уж больно был страшенький. Аренду не вытягивала, и в итоге автоматы торговый центр конфисковал в счет уплаты задолженности. Таким образом обломалась ее мечта стать бизнесвумен. И Аленка пошла торговать тем, чем торговать проще всего – красотой.

Модельное агентство с радостью приняло милое создание и разглядело в ней талант к профессии. Пошли фотосессии ангелочков, страстные эмансипированные фото доминирования и много-много секса в объективе. Больше ничего Аленка пока не рассказывала. Видимо, самый отврат по ее шкале мерзости лучше было не вскрывать. Не в той степени доверия находимся. Все понимал. Всему свое время.

Мы доехали до соседнего района по единственной двухполосной дороге через пробку, отчего немного приуныл. Но подъезжая к ее дому, почувствовал волнение, переходящее в возбуждение. Руки скользили по рулю, а фантазия рисовала линии ее бедер и груди. Пальцы уверенно схватили черный обруч, а фантазия нарисовала, как направляю ее кисти к своему «Егорке», – она его обхватывает. Звучала громко музыка, настроение было приподнятое у обоих, хотелось жить и сообщить всем об этом.

Припарковался. Резко повернулся и прижался через подлокотник к ней, впившись пересохшими губами в ее влажные лепестки, срывая поцелуй. Влез под блузку, нашел па-

ру симпатичных малышей, готовых к общению. Джина вызывать не было нужды – он был готов к услужению и давил джинсы с такой силой, словно намеревался без разрешения натворить чудес. Перелез через сидение на диван второго ряда, она пристально посмотрела, хмыкнула, приподняв плечи, и перевалилась через барьер сидений, разделявший нас.

– Хочу тебя! – проговорил сквозь зубы, задыхаясь.

– Возьми... – шепнула Алена.

Одежда словно соскользнула с нас – так быстро и незаметно ее сняли. По колонкам стучала попса. Такая незатейливая, радужная. Все было легко и все казалось таким возможным. Это мгновение безраздельно принадлежало нам. Так жадно мне давно не хотелось осквернить пуританские устои. Мой котелок набух и, как чайник, начинал свистеть и пульсировать. Зайдя в нее, чувствовал толчки крови, бьющей в самый кончик, сквозь толщу из чувственности, из страсти, мяса и кожи. Ее тело послушно изгибалось подо мной, отдаваясь целиком. Мне хотелось еще, еще, еще! Окна запотели. Душили себя – жадно дыша, съели весь кислород. Голова пошла кругом и мы оторвались от реальности. Алена прижимала меня так сильно к себе, что чувствовал, как растворяюсь в ней. Неморгающие зеленые глаза пугали и одновременно с тем разжигали сильнее.

Взорвался бурной канонадой залпов, огласивших победу над синдромом Робинзона Крузо – девственность не вернулась ко мне на необитаемый остров.

– Ты меня покори́л, – спокойно сообщила, не меняя позы.

– Чем?

– Тем, что отремонтировал тачку. Не должен был, но сделал. Думала – треп.

– Она еще нуждается в ремонте, так что не забывай об этом. – Помолчав, добавил, – Не умею принимать похвалу, спасибо. Все как-то кажется, это не про меня. Или кажется, подтаю и расслаблюсь. Дурная привычка принижать свои заслуги перед людьми, делающая мои поступки бессмысленными и невесомыми.

– Пойдем ко мне, все же покажу свою квартиру.

Подъезд не выглядел убого, дом был новый, и в нем еще не кипели страсти пубертатного периода. Этому подъезду еще предстояло взрастить диких до безумства детишек, способных осквернить стены информативными сообщениями (кто кому дал и кто лучше сосет). А пока стены подъезда были девственны и пахли недавней отделкой друзей из ближнего зарубежья.

Лифт был страшен. В момент заселения, примерно два-три года, кабина лифта остается обшитой фанерой для сохранности приличного вида. Вот тут-то на фанере и был весь фольклор преимущественно узбекско-таджикской направленности. Можно увидеть слева рекламу «строителей-профессионалов», причем ошибки были не только в описании работ, что выполняют оные, но и в номерах телефонов, на которые отвечали не Нурланы и Беки, а ничего не подозреваю-

щие Тамары Васильевны и Элеоноры Андреевны. Справа – социальные успехи государства, описанные в виде номеров социально малоответственных представительниц интимной профессии, по сути, того же строительного призвания. Только эти выдающиеся особы позволяли мужчинам-строителям скидывать свой груз усталости и напряженности, а не кирпичи с крыш. Что важно! Можно сказать, если бы не путаны – дому не стоять! И они, путаны, – фундамент и каркас любой стройки. И неважно, стройка дома или коммунизма.

Лифт браво взлетел на 15-й этаж, открыв двери с жутким шумом, словно спартанцы раздвигали тесно прижатые друг другу щиты в черепахе. Те же желтоватые стены подъезда с претензией на шик, правда, шик в Туркменистане. Далее длиннющий, как в общежитии, коридор, с раскиданными по обе стороны, все как одна, дверями квартир. «Муравейник, в нем душно» – все, что подумалось.

– Заходи! – звонко сказала Алена, бряцая ключами в замке. Распахнув широко и задорно свой личный клон типичной дешевой двери из тончайшего, как фольга, листа металла, она зашла, включила свет. Привычным движением резво скинула обувь. И пошла убирать то, что приличная девочка не должна была разбрасывать по квартире.

Трусы были буквально везде: на диване, на тумбе с телевизором, на подоконнике, на кухне. Трусы разных форм и расцветок пестрили, как государственные флаги, разделявшие квартиру на независимые территории. Своеобразная карта

национальных побед на сексуальном поприще. Здесь был нигериец, тут Молдова, а это немец. Или, быть может, квартира походила на музей спортивных достижений, участие в которых поощрялось медалями, а вместо традиционных атласных лент прекрасные трусики?

Алена была рассеянна, и потому несложно представить, как образовывался этот бардак. Занимаясь одним, она могла быстро переключиться на другое, забыв напрочь о первом. Видимо, она несла одежду на кухню с мыслью: надену там. Пока натягивала кружевное белье на упругие бедра, решила: сегодня среда, так что надену, пожалуй, другие, желтые... или зеленые. И уже выбирала среди груды тоненькой и легкой интимной одежды подходящий фасон и цвет.

– Хорошая уютная квартира! – так говорят про то, о чем нечего говорить. Тесная однушка. Условный, без дизайнерской мысли, интерьер. Ремонт на быструю руку от тех же Фурухченых с руками не из плеч. Для нее эти двадцать три квадратных метра – предмет гордости, ее победа над прошлым и, возможно, над будущим. И не важно, что в настоящем она проигрывает, лишая себя небольшого скромного женского счастья от мелочей, променянных на двадцать пять лет ипотеки. Мы все в душе Наполеоны. Готовы проиграть битву для победы в войне.

– Чай, кофе? – живо поинтересовалась Алена.

– Чай, зеленый.

– Барин, у нас только черный! – посмеялась надо мной

вконец расслабившаяся Аленка. Она раскрывалась именно так, как мне виделось в первый день знакомства. Она не пыталась быть кем-то, не старалась держать марку, и ей не нужно было накручивать себя. Рубеж пройден. Так что либо растворюсь на следующий день в воспоминаниях, либо увижу, какая она есть. И видел: полная удовлетворенности кошка чуть ли не пела.

– Тогда воды, горячей.

Она пошла греметь сложенной в гору посудой, закрывшей до самого смесителя раковину. Наполнила чайник, и он шумно затрещал, накаляясь. Смотрел, стоя позади, сложив руки на груди и оперевшись о стену. Наблюдал за четкими, повторенными сотни раз торопливыми движениями хрупкой Аленки, достающей одновременно из одного ящика чашки, из другого сахар, ложки – казалось, она фея в лесу. Балетно вытянутыми движениями эта фея дирижировала кухонной утварью.

Заглянув в холодильник, Алена задержала взгляд на желтой от лампочки пустоте.

– Есть точно не буду, – перехватил возможный вопрос о голоде.

– Да и нечего после шести жрать! – отрезала, хохоча, фея. – Пойдем покажу квартиру.

Экскурсия по двадцати трём квадратным метрам длилась три минуты. Это шкаф, это окно, это балкон, это бардак, а это мой пес Флиппер. Маленькое, но в меру упитанное

подобие тойтерьера, жалобно скуля, подползало, поджимая неуверенно под себя лапы, словно не знало, получит порцию «тапка» или ласки. Хвост, прижатый к полу, судорожно его мел. Выпученные глаза, опущенные уши: собака заскулила от почесываний.

– Добрый пес! Хороший пес! Кто же тебя лишает твоего права на почесывание за ухом?

В этот момент периферийным зрением уловил блеск, исходивший с подоконника. И не сразу уловил наличие еще одного питомца. Черный, как смола, кот бездвижно сидел на подоконнике. Глаза смотрели прямо в мои. Оценивает, сука.

Коты, в отличие от прочих животных, делают одолжение своим присутствием. Не подпускают к себе кого попало. Ценз у них строгий. Внешность, запах, что принес пожрать, ну и главный критерий отбора – это их текущее настроение. Принеси им вяленую мышь, рыбу, молоко, деликатесы, мягкую подстилку, новый лоток. Сопроводи все подношения реверансом, поклоном. Но настроение у блохиша не то, и ты получишь из глубин этого чудного животного в твои башмаки шерстяной липкий комок, собранный специально для тебя вылизыванием собственной жопы.

– Он у нас – миролюбивый комок шерсти, – сдернув с подоконника в свои объятия, она начала тискать усатого кота.

– По его взгляду все сразу видно. И доброту, и любовь ко всем без исключения, – не без сарказма подметил взгляд

черныша, все еще устремленный на меня.

Она плюхнулась совсем рядом на диван, обдав меня своим ароматом. Ее волосы скользнули по лицу. Захотел ее снова.

– Останешься? – предложила Алена, угадав мое желание.

– Если не помешаю.

– Не помешаешь.

– Дай мне полотенце, приму душ. Ты с меня согнала семь потов.

– Только мойся на корточках.

– Иначе оскверню женский дух этих стен? – мне стало смешно от этой нелепой установки.

– Нет, просто вода прольется на пол.

– У тебя вместо ванны тазик? – мне становилось все интереснее.

Зайдя в ванную комнату, ничего особенного не увидел. Совмещенный санузел. Стиральная машина, раковина, полка с зеркалом, бледный свет. Плитка, правда, только на полу, стены голые и белые.

– Вот здесь протекает, – Алена провела пальцем вдоль края ванны, что соприкасался со стеной.

– Так это лечится герметиком. Давно так мучаешься?

– Полгода, – Аленка виновато опустила глаза.

– Из-за этого ты, как улитка, сворачивалась в три погибели? – мне стало опять смешно. – Ладно, не переживай, научу, как правильно мыться. Завтра принесу герметик и твоя жизнь забурлит по-новому.

– Ходил тут один, все в женихи набивался. Обещал сделать. Уже месяц прошел. Сегодня звонил, сказала больше не беспокоить меня.

– Почему?

– Руки у него женские и пузо торчит. Весь такой недотепа. Рассказала о своей квартире. Всем рассказываю и ему рассказала. Сказала, что много сложностей с ремонтом. Вызвался помочь. Сначала вещи помог перевезти. Потом проследил, как устанавливают кухню.

– Кухня у тебя необычно зеленая. Это «спасибо» от Сбербанка?

– Нет, мне такая нравится. И нечего смеяться. Потом начал намекать на чай, водку и постель. Сразу отрезала.

– Почему? Перспективный парень, хозяйственный.

– Перспективный? Работает в «М-видео» уже несколько лет на складе, все у него стабильно и больше не нужно.

– Так работаю там же. Может, даже знакомы с ним.

– Не ври.

– А где, по-твоему, работаю?

Алена вдруг осеклась, замерев взглядом на мне. Она ясно поняла, что знает обо мне три вещи: имя, машина, член.

– Нет, ты точно не работаешь на складе, – с ноткой сомнения в голосе сказала Алена.

– У меня скоро будет рабочий юбилей в «М-видео», 5 лет. И мне обещали в качестве подарка бонусную накопительную карту и электрический жоповытиральник от BOSCH.

– Подарок хороший, конечно, но там ты не работаешь.

– Ты права. Кладовщик – это прикрытие. Работаю на спецслужбы.

– Ми-6? Вы Джеймс Бонд? – засмеялась в голос Аленка.

Мне захотелось ее еще сильнее. Дыхание немного сперло.

Притянул к себе хрупкое тело и прижал так, словно хотел ее вдавить в себя. Она издала звук, выдохнув под моим давлением. Глаза заблестели.

– Мне нужно в душ. Буду осторожен.

Вода предательски лилась во все стороны и вскоре под ванной образовался бассейн.

– Это просто извращение, хоть тряпочкой мойся, – бормотал себе под нос.

Ступив босыми ногами, невольно измерил уровень воды – до хера. Сликов в полу, конечно же, нет. Но есть тряпка и ведро. Так что взял их и начал впитывать то, что должно было само собой уйти по стокам. Процесс был забавный. Если бы Аленка зашла, то непременно подметила бы прелестную картину: крепко слаженный голый мужчина моет полы. И обязательно бы разбавила миниатюру фразой: «Вон еще в том углу потщательнее».

– Привет, – улыбнулся ей, выходя из ванной. Аленка в халате ждала своей очереди у двери, чем немного обескуражила меня. Давно стоит?

– Привет, – улыбнулась она в ответ. – Постель постелила. Ложись с любой стороны.

Аленка закрылась в ванной, и ее сорокаминутный бой с душем оставил меня один на один с зоопарком. Раньше у нее был еще то ли хомяк, то ли волнистый попугай. Но его постигла внезапная смерть. Наверное, задохнулся под грудой белья или послал куда подальше кота, что порывался его сожрать, послал хозяйку, вечно путавшую его зерна с овсянкой, пса, что мочился на его клетку, и сдох сам по себе со словами: «Врагу не сдается наш гордый варяг!».

Меня домогался любвеобильный пес, а маньячный кот не сводил с меня не моргающих глаз. Последний явно выжидал момент, когда удачнее всего перерезать Бауэру глотку острыми и длиннющими когтями.

Кота нужно было расположить к себе или подчинить своей воле, выбив с позиции властелина на подоконнике. И тем самым обеспечить себе здоровый и спокойный сон.

Кот никак не хотел быть дружелюбным. Встав на четвереньки – именно так мне представлялся образ друга всех котов, подошел к подоконнику. Кот лишь изменил угол наклона головы, но позиций не сдал. Все животные имеют свой язык общения. Киты, верблюды, ламы. Значит, и с этим можно пообщаться на его языке. Стоя на четвереньках, начал пробовать разные интонации «мяу». Длинное, протяжное, короткое и резкое, молящее, угрожающее. Реакция оставалась прежней, то есть никакой. Тогда было решено использовать еще один всем известный звук котов: «фф» или «фыр-фыр-фыр». Для этого я принял боевую стойку: на четверень-

ках вытянул агрессивно спину и начал боком приближаться и отдаляться от кота. Черная высокомерная скотина была либо глуха, либо тупа, но реакции не последовало.

Леша просто так не сдастся! Что-то ведь должно найти отклик у этого мохнатого комка. В момент мимикрического вдохновения услышал удивленное: «Все в порядке?» – Алена стояла в дверном проеме, расчесывая волосы. Возник сразу вопрос: как давно она стоит и что думает по поводу моих экспериментов юного этолога?

– Решил немного перед сном размяться. Есть очень хорошие асаны в йоге для крепкого сна.

– Поняла, – равнодушно кивнула рыжая. – А то мне показалось, что кот тобой манипулирует, – и ушла на кухню.

В этот момент на морде кота образовалась злорадная улыбка, он спокойно покинул подоконник. Пес все грозился облизать мне лицо, тыкая своей мордой в прыжке. Два по-настоящему безмозглых создания были на полу: я и Флиппер. Аленка позвала курить.

– Почему ты здесь взяла квартиру? – спросил, затягиваясь сигаретой.

– А где еще? Все остальные варианты слишком дороги. За эти двадцать пять метров отдала три с половиной миллиона кредитных денег. От Москвы совсем не далеко. Работа относительно рядом.

– В пробках сколько теряешь времени?

– По-разному. От получаса до пятидесяти минут. Не все

еще корпусы сданы. Но и не все дороги проложены. В планах продлить выхинскую магистраль, там какая-то большая развязка, и здесь метро недалеко будет. Так что я довольна.

– Вид из окна шикарный. Огромный лесной массив. Круто.

– Ненадолго. Построят еще домов. Но меня это нисколько не беспокоит. Мне нравятся городская суета, огни. В этом своя прелесть. Родная стихия.

Она говорила и упивалась своими словами. Ей нравилась идея жить в большом городе в своей квартире, и она жила. Она сделала это – пусть, конечно, и в долг.

– Сколько составит переплата?

– Примерно шесть двести – это проценты за пользование кредитом. Но выходит так, что те же тридцать с лишним в месяц, что отдавала за чужую съемную квартиру, теперь отдаю за свою.

«Да, – думал про себя, – только ты не учитываешь погрешность в двадцать пять лет. Это очень много для стабильности. Произойти может всякое. Может, конечно, и рубль упасть, и зарплата в нацвалюте вырасти – это из хорошего. Но может машина переехать, инвалидность прийти откуда не ждала, и здесь поблажек не будет. Плати. Не можешь – прощай все то, что уже отдала». Но говорить вслух этого не стал.

Сложив руки иксом на груди, она оперлась о раму, немного перевалив тяжесть корпуса на балкон. Она была напряже-

на и счастлива.

– Пошли? – спросила она.

– Пошли.

Легли молча. Каждый на своей половине. Мне хотелось ее и крепко прижать, и нежно обнять. Но отчего-то не решался. Волнение было такое же дурацкое, как когда берешь в первом классе портфель понравившейся девочки.

Взял ее за руку. Она этого ждала. В этот раз уже не спешил, все прошло спокойно, никто никуда не опаздывал.

Уже светало, когда, изнуренный, слез с молчаливой и уставшей Аленки. Тут же начал собираться.

– Завтра встреча, ты мне не дашь уснуть, – улыбаясь и все еще задыхаясь, как после пробежки, заявил Аленке. – Свяжемся. – мне действительно не спалось с ней рядом. К новым отношениям нужно так же привыкать, как новой машине, дивану и зарплате.

Она как-то устало посмотрела на меня, лежа на диване. И в этом взгляде крылось и понимание, и ненависть. Мы никто друг другу. Мы случайность в калейдоскопе радости. Но ее взгляд склонял к мысли более мрачной, где Бауэр должен гораздо больше, чем хорошее настроение.

Прохладный свежий воздух. Розовое начало дня освещало все вокруг, в том числе и мое довольное лицо. Было легко и отчего-то грустно: первый раз уже не повторится.

Домчался до дома за двадцать три минуты – Аленка не соврала. Солидно отхлебнул красного вина из бутылки пару

раз. Приятная усталость налила тело и оно рухнуло на диван. Мне снились розовые слоны.

Весь следующий день думал об Алене. Хотелось снова погрузиться в пучину безнравственности с ее участием. Но нужно иногда работать. К тому же каждому из нас требовалось дать трезвую оценку произошедшему.

«Помариновать или дать возможность оценить мои великолепные качества?» – так думают дилетанты. А самодостаточные думают: как же все-таки мне фартит! И, затягиваясь в круговорот мыслей и текущих событий, забывают позволить или написать объекту своего вожделения.

День пролетел быстро. Не успев начаться, уже клонился к закату. На экране мессенджер не высветил новых сообщений от Аленки – держала марку, хоть и думала обо мне. В противном случае для нее стянуть трусики как поздороваться – так же незаметно, забывается через пять минут и ни к чему не обязывает. Разумеется, будут сладкими встречи или нет, зависит только от женщины. Оценив здраво ее опытность, улыбнулся, заблокировав смартфон, – ждать заветного «привет» от Аленки в этот вечер точно не придется.

Темноту холостяцкого жилья рассеивал радушный свет открытого холодильника. Он представил на мой выбор пельмени, сыр и откупоренную еще утром бутылку красного. Не всякое вино должно быть комнатной температуры. А дешевое пойло проще заходит холодным, или еще лучше ле-

дяным.

Тридцать три квадратных метра – моя спокойная гавань, моя не тронутая женщиной берлога, мой тайник. Место, в которое ни кого не пускаю. Ни родственников, ни друзей, ни подруг – никого. Они все несут с собой то, чему нет места на полках и в шкафу – свои рекомендации, требования и мысли. Переступят порог – и они уже не гости, а ценители прекрасного, критики, разрушители. «Потому что любят и желают лучшего».

Только сам знаю, как мне лучше. А мне нравятся бетонные стены, ярких тонов выключатели и контрастная красная кухня. Материалы в комнате грубые, шероховатые, живые. Касаясь их, ты сразу осязаешь необычность и точно чувствуешь, а не скользишь по десять раз, чтобы понять природу материала. Так и с людьми. Одни все такие гладенькие, скользкие – ухватиться не за что. А с другими зацепишься и помнишь полжизни. Потому что свои какие-то. Настоящие.

Необработанная доска растянулась по всей площади одной стены. Противоположная – голая, бетонная, холодная, в нее врезался ЖК-дисплей, словно один из пяти вариантов квадрата Малевича. Один зеркальный шкаф, диван. Ничего лишнего.

Закинув разогретые равиоли, запил их винишком и, прикусывая твердых пород казахским сыром, открыл Мак.

Алюминиевый корпус четко окантовывал экран. Клавиши издавали приятное клацание. Новости, почта, соцсети,

курсы валют, стоимость недвижимости, премьер-министры, популярные шалавы на подиуме тщеславия, бывшие друзья и подружки светились с экрана двенадцатидюймового верного товарища от Стива.

Бывшие – это планка, ниже которой ни в коем случае падать нельзя. Нельзя иметь партнера хуже, чем предыдущий. Большинство оценивает внешние качества, как единственный критерий отбора: сиськи, рост, жирок, возраст – банально, скучно, и тошнит от пустышек с несмываемым мэйкапом. Этого критерия недостаточно. Наутро ненавидишь их и себя за желание просто обладать телом. Их тривиальное лицо выражает одну мимику легкого коварства или удивления, нарисованного в салоне татуажа. И ведь все, что нужно носителям тренда, – это знать, где туснуть, выпить, кому дать поинтереснее, чтобы не стыдно было козырнуть перед подругами и утереть нос бывшему. Мясо, продающее себя не за кэш, во всяком случае не напрямую, а за фото в ресторанах, клубах, выставках, фестивалях. Такие барышни, по сравнению с вашей школьной любовью, которая уже замгендиректора какой-нибудь престижной конторы, выглядят просто ничтожно. Ведь оргазм от красивой картинки – вопрос десяти минут. А удовольствие от IQ можно получать и весь день.

Планка «бывших» – это еще и напоминание тебе, кто ты, и что спокойно сидеть не стоит, пора действовать. Такой внутренний мотиватор для решений и уверенности в своих

поступках.

Незаметно открылась вторая бутылка красного. Мягкий диван привычно, по-родственному принял меня в свои объятия. Телевизор, бесконечная пробежка по каналам – ничего не цепляло. Мысли растворились. Прилег под шум попсытинны.

– Аленка... – скромная улыбка растянулась на лице с закрытыми глазами. Забываясь, мирно засопел.

В чем прелесть утра? Все только начинается. Примерно то же самое, что и первого января или в понедельник, только не так глобально и мелкими порциями, но все же новое начало.

Привел свое тело в горизонтальное положение, присев на диван. Ноги, встав по касательной на пол, сшибли пустую тару. Опрокинутая бутылка, падая на бок, шумно покатилась по ламинату.

– Соседи, доброе утро! – с иронией сопровождал это падение. У нас с ними давно образовалось невербальное общение посредством неуместного грохота в неуместное время. Ребята снизу любят включать музыку в те самые часы, когда мне ну очень необходим покой. Ну а мне нравится думать, что они спят, когда просыпаюсь, и что моя бодрая музыка делает их утро добрым и желанным. Наши биологические часы, уверен, не совпадают, но вкус в музыке точно схож.

Сосед снизу – человек прелюбопытнейший. Физик в обла-

сти нейрологии, разрабатывает новое поколение томографов и живет с молоденькой студенткой. Мое отношение к нему как к серому клерку улетучилось, когда в очередную дисконочь к нему пришел сосед, тот, что живет уже под ним, с вежливым требованием «Выключить нах это дерьмище!». На что сосед ответил: «А как же мне вас теперь просвещать?!». А просветление получил он сам. Огромный фонарь светился под его глазом на следующее утро.

– У тебя отменный музыкальный вкус, – сказал вошедшему в лифт соседу.

– Два терабайта отборного великолепия, – с гордостью заявил физик, стараясь не показывать «фонарь», приобретенный ночью. Высокие отношения. Мне крайне симпатичен этот человек.

Телефон все так же не выдавал привет от Аленки. Значит, зависимости не будет, и она адекватна. Не будет неоправданных требований, не будет бессмысленных обид «потому что она так думала» и будущего, где меня видят в ЗАГСе и требуют удалить телефончик Галочки и Танечки.

«Привет! Взял герметик и готов пройти по швам, требующим моего внимания», – быстро настроил судорожно бегающим большим пальцем по яркому экрану двусмысленное сообщение.

Ответит в течение пары часов – выдержит положенную

паузу, мол, «не бросаюсь на шею», и тогда у нас все неплохо сложится. Ответит позже – покажет, что не особо важен, что за ней еще придется и побегать. Либо напишет вообще завтра – и это уже ненормально и повод задуматься – не вошло ли у меня под мышками.

Проще расставлять границы, пока еще пусто на полигоне взаимоотношений. Все маски сняты, и никто не стремится спрятать скелет после первого коитуса. Вроде нечего уже скрывать. Все из страшного – жирок, шрам, подбородок – уже продемонстрировали в нелепых автомобильных позах. Реакции никакой не последовало, значит, можно расслабиться. Но вот именно в такие моменты и начинают выползать тараканы пострашнее, чем лишние кило. В случае с Аленой вылез не просто таракан, а гигантский монстр. Такой же был в фильме «Годзилла».

Поздно вечером она написала: «Какой герметик?» – но отвечать уже не хотелось.

Что-то уже изменилось в нашем влечении. Потерялась легкость. Пошла совсем другого рода игра: расстановка тех самых границ на пустующем поле. И страсти положено было уступить место прагматизму. Эйфории, какой хотелось, уже не ощущалось, и раскаленной докрасна жажды уже не получу. Она остывала быстрее, чем могла.

Наверняка черный кот жаловался на мое вызывающее поведение и натравливал на меня Аленку. А она, доверчивая, повелась на усатый развод.

Утром написал: есть сегодня свободное время вечером, могу забрать после работы. Поужинаем.

– Я не против, – довольно быстро ответила Аленка. – Закончу в 19:00, заезжай.

В этот раз она не заставила себя долго ждать. В 19:15 чем-то озадаченная, если не расстроенная, Алена вышла из банка. Не помахав рукой, не кинув вещи в салон, встала возле капота и закурила. Вот так просто началась новая игра «я несчастна». Вышел из машины.

– Дай папиросу.

Алена молча достала бумажную трубочку, фаршированную пылью табачного листа. Прикурила и передала мне тлеющую сигарету.

Спрашивать, что случилось, глупо – это значит вовлечь себя в ее игру, откуда два выхода: либо в ЗАГС, либо в скандальное расставание. Взваливать на себя мнимые проблемы неразумно еще и потому, что, приняв их однажды, ты вынужден будешь заниматься тем, чего нет, постоянно. И это неминуемо приведет к скандалам, так как найти «то, чего на белом свете вообще не может быть» невозможно, и вынужденно будешь соответствовать благородному образу Айвенго, ввиду невозможности отступить от своих принципов.

Мнимые проблемы от реальных отличаются разительно, и сама барышня, создающая их, проблемы, знает эту разницу. Вот эти реальные как-раз-таки не стоит игнорировать.

Иначе моральный компас девушки укажет на вашу никчемность и она вам скажет обидное «прощай».

Так вот, ни к свадьбе, ни к расставаниям не был расположен. Надо – сама расскажет. Ну а если нет, то нет.

Стояли молча, докуривая. Она смотрела в никуда. Мне же было интересно, на сколько хватит ее молчания и терпения. Огонек Алениной сигареты быстро подошел к фильтру.

– Поехали, – спокойно предложил.

Молча сев в авто, она достала еще одну сигарету. Намеков стало слишком много для десяти минут. Громкий негодующий вздох «за что мне все это» был бы кстати. Она продолжала эмоционально давить. В такие игры Леша не играет.

Молча перекусили в гриль-баре, пить не стал. До ее дома добрались без пробок достаточно быстро.

– Зайдешь?

– Да, конечно, герметик не зря с собой вожу второй день, – задорно ответил на ее предложение.

Привычный подъезд, болезненно-желтые стены, пятнадцатый этаж, фольгированная дверь, пахнуло кошачье-собачьим присутствием. Возможно, кто-то из них сдох. Хоть бы это был котяра. Но именно он вышел встретить хозяйку с мордой «есть че пожрать?», обнюхал ее руки и сумки. Увидев меня, сверкнул глазами и удалился к себе, видимо на подоконник. Значит, почил вечным сном Флиппер. Жаль пса, отзывчивый и веселый малый был.

– Пес сдох? – спросил подавленным голосом.

– Нет, он у мамы вместе с сыном.

– Так и котика можно было с собой взять. Или черный хвостатый пират предпочитает компанию киски? – с прищуром продолжал переманивать Аленку в нормальное, привычное для нас русло общения, обильно приперченное юмором. Но она не торопилась выходить из образа. Так прессовать меня еще никому не приходилось. Если проблемы, то поделись. Или начни их решать, сказав, что сегодня не до встреч. Все остальное похоже на вымогательство. Леша как правительство: на диалог с террористами не идет!

– Давай по-быстрому пройду герметиком. Дай либо духи, либо средство для снятия лака. Не смотри на меня удивленно. Мне нужно снять лак с ногтей и обезжирить ванную для герметика, – шутки не достигали цели. Точнее, достигали, но толстая прослойка погруженности в образ страдающей нимфы была непробиваема.

Видно было, что Аленка начала оттаивать. «А нужно ли продолжать играть?» – наверняка вертелось в ее голове.

Удалился в ванную и начал свои манипуляции с белой и тягучей, как зубная паста, строительной химией. Прошелся, жирно выдавливая герметик, по периметру водного лотка, наложив белый толстый шов. Алена подкралась сзади, наблюдая за процессом. Лишнее убрал бумагой.

– Не плотина в Аризоне, но оборону от водяных напоров будет держать. Сегодня еще попользуйся в привычной тебе манере ежика, то есть соберись в клубок. А завтра смело

можешь направлять струю куда заблагорассудится. Герметик застынет и закупорит щели. Чайком попотчуй, и поеду.

Она молча пошла копошиться на кухне, пока собирал в пакет герметик, бумажки. По грохоту посуды в раковине стало понятно – все по-старому, без изменений. Раскиданные вещи одинокими кучками неряшливо пестрели на фоне острых углов квартиры. Покачал головой.

Сообщение с предложением она получила с утра перед работой. Машину не взяла – планировала сегодня прийти со мной. Это неуважение к гостю, любовнику, человеку. Все равно что сказать «ты большего и не заслуживаешь» и погрузить в пучину своего хаоса, не считаясь с моей эстетикой.

Чай без сахара, черный, ждал меня на столе. Алена вышла на балкон, курила. Вернувшись, сказала: «Уже поздно, оставайся».

Она ритуально расстелила постель, пошла в душ. Легла молча в вызывающе сексуальном белье. Механизм был запущен. Одеядло с моей стороны приятно оттопырилось. Руки скользнули по спине Аленки, огибая ее плавные перегибы. Она перевернулась. Начал ее целовать. Но она сегодня необъяснимо пассивна. Как оловянный солдатик. Алена приняла бездвижную позу на посту печали.

– А если так? – грубая рука стянула кружевные трусики.

– Не надо, – еле слышно произнесла Аленка.

Просьба скорее была похожа на эротичное «О, нет. Но давай». И Леша залез на нее. Две жесткие пощечины прижгли

мой норов с разных сторон так молниеносно, что жечь стало не сразу. Словно два разряда шокером пронзили тело и обострили все чувства.

Встал, начал собираться. Обулся на босу ногу. Носки и трусы поместились в карман. Все это произошло со скоростью горящей спички. Две резкие инъекции зарядили адреналином.

Она накинула халат, спрятав секс. Смотрела на спешные сборы. Мое лицо наливалось узорчатыми пятнами, все больше походившими на очертание пятерни. Резко открыл дверь, от чего в длинном коридоре подъезда пронеслось эхо, и, не закрывая за собой, вылетел наружу.

«Что это было? Что за психоделика? Вот это таракан!» – вертелись мысли в голове.

Если не хотела внимания, то зачем просила остаться? И красивые трусики. Надела бы тогда что-нибудь удобное хлопковое с уточкой. У каждой девочки есть такие, домашние. Всем известно: чем красивее и сексуальнее белье, тем менее оно удобное. Так она натянула такой секс, от вида которого можно было завить неудовлетворенным волком. У меня не было шансов устоять.

Или она поняла, что нам точно не быть вместе? И хотела от меня грязи, за которую можно было прогнать? За которую проще было бы осуждать и ненавидеть. И пока еще не успела привыкнуть – нужно было порвать с этим негодяем. Так проще, не обнадеживая себя, подвести ложную черту. Если

так, то она психанутая курица! Может, потому так и манила. Но на всякий случай с ней лучше разорвать контакты, а то решит, что не может спать спокойно, пока Бауэр жив, и, поджидая меня после работы в темном подъезде, пустит в ход ржавый нож или «розочку». Виски пульсировали. Похлопал по карманам – сигарет нет.

В этом контексте поведение кота выглядит совсем иначе: черный усач меня спасал. Буду помнить тебя, брат! В твою честь куплю сегодня «Вискас» и дам бродячему коту. В Москве много бабушек, подкармливающих бездомных кошек. Теперь понятно, почему: у каждой из них была своя Алена.

Как так случается, что абсолютно посторонний человек начинает вызывать приятные эмоции, волнение и желание общаться? Тянет к себе. Уже успеваешь полюбить будущие встречи. Романтика вдохновляет, каждый день наполнен невесомостью. Как вдруг она берет свою нежную маленькую ручку и превращает ее в орудие отрезвления. И делает это как наказание. Только вот за что?

Отец бы с такой не общался. Даже знакомства бы не завел. Хотя, с его импульсивностью и любопытством, он бы захотел попробовать такой перчик. И мне хотелось поострее. Обожгло.

Чего ждал от Алены? Хорошего секса? Эмоций? Мне действительно хотелось ее всю. Может, вопрос вовсе не в ней?

Иногда кажется, что пора получить тот самый бонус, ко-

торый многие приобретают в двадцать. С которым им жить вроде как проще, легче. От которого не болит наутро голова и не лезут экзистенциальные думки. Одна женщина и до конца дней. Какая она?

Никогда не думал над тем, кто мне нужен, как выглядит, о чем думает, чего хочет. Всегда была искра, детонирующая канистру с бензином и взрыв. Яркий, обжигающий. Иногда от него становилось больно. Но кожа грубела, порог восприятия снижался. Тогда, наверное, и начал искать поострее. Таких, от которых лихорадит и мурашки волной. Таких, чтобы нестандартны. Чтобы удивляли и тянули на себя. А потом бросали в пропасть. Там где темно, холодно и тоскливо. Алена?

Инстинкт самосохранения подсказывает мне: Леша, тебе нужна покладистая, милая девочка, влюбленная в тебя и романы Анастасии Вербицкой. Думающая о котлетках, борще и маленьких сандаляках на маленькие розовые пяточки. И пусть секс будет раз в неделю. И пусть будет романтическая белиберда: букетики, даты первой встречи, первого поцелуя, первой ссоры из-за кошечки, которую не нужно подкармливать и брать домой. Потому что всех кошек и собак не возьмешь. Стерилизовать кошек, собак, и вас! А потом будут совместные покупки, кредиты, ипотеки на двадцать пять лет, безысходность, ложь, истерики, скандалы, пробитые кулаком двери, осколки посуды, как части моей фантазии о том, кто мне нужен.

Запасы алко дома, как назло, закончились еще прошлой ночью. Искать в магазинах пошло после 23:00 бессмысленно, а когда вышел от Аленки было уже за полночь. Остаются увеселительные заведения с сомнительными лицензиями и сертификатами на алкоголь. Стало не то чтобы тоскливо, скорее тошно. Хотелось выпить и поорать.

Караоке, иду к тебе!!!

Утро было титанически тяжелым. Чувствовал себя атлантом, на которого бесстыжие боги взвалили непосильную ношу. Небо со своим атмосферным столбом давило ровно на одну точку на планете – и этой точкой была моя голова. Моргать было больно, движения доставляли жуткий дискомфорт. Звуки водопровода, проходящие стояком через все квартиры, лифт, соседские шаркания воспринимались раздражающей какофонией. Зеленый чай, сахар, растворимый аспирин.

Горячая кружка приятно обжигала ладони. Понемногу отходил. Шипучий аспирин быстро всосался в кровь и разжижил ее, параллельно снимая симптомы чугунной головы. Двигаться стало чуть проще и пластика уже не походила на зомби. Полчаса под струей теплой воды, потом контраст – прохладной. Стало чуть бодрее. Можно теперь и позавтракать. Сознание возвращалось, рефлексy приходили в норму.

День предстоял незамысловатый. Предстояло купить ви-

нице, запас пельменей. Для разнообразия и проявления аристократических корней не помешает приобрести сыра, желательного твердых пород, ну и петрушки с укропом. После можно умирать неспешно, так, чтобы эстетика процесса разложения мозгов привела к умным мыслям: пить – зло, а пить из-за женщин – еще большее зло, потому что бессмысленное.

Ночью был дождь – небо скорбело вместе со мной. Обязательно ли мне должны попадаться такие дамочки с целым набором пограничных расстройств? Не то чтобы вознес руки к небу и прокричал «за что-о-о?!», но настроение было дурацким. В целом (но не в общем), если посмотреть на меня, то можно заключить без зазрения совести: отличный парень! Два образования, большой трудовой опыт в разных сферах, бизнес, коммуникабельность, отзывчивость. А если учесть еще и мои гуманные стороны, проявляющиеся во всем, – то просто душа. Люблю собак, обожаю пожилых людей и их бл..дские истории про сеновал и советский неофициальный разврат. Чту УК РФ, здороваюсь с соседями. Последнее – вообще потерянное наследие советского доброго прошлого.

Знать, с кем живешь хотя бы в своем подъезде, нужно. Мнение, что стены разделяют наши жизни, как минимум наивно. Мы все – как одна большая общага. Знаем, какой безбожник из какой квартиры любит дрель. Знаем, как часто сосед снизу радуется жене. И знаем, что сосед справа вырастил не детей, а дебилов. Наши судьбы невольно переплетены,

и отрицать этот шумный факт глупо. Здравуюсь со всеми соседями еще из-за воспитания.

«Так вот, за что мне такому хорошему такие Аленки?!» – вертелось в голове. Это не трагедия, скорее самоанализ. Неужели мне действительно нравятся скрытые шизофренички? И что к ним меня тянет? Неужели чувствую «своего»? Такой расклад пугает и забавляет. Секс был горячим. Потому и обидно, что все закончилось.

Звонок. Тетка.

– Алеша! Здравствуй, мой дорогой! Как ты? Нашел девушку? Или все еще занимаешься ерундой?! – сыплет без паузы моя тетушка. Она вываливает все сразу, чтобы не заболтал и не увел от главного: когда свадьба, дети?

После смерти отца эта загруженная работой и своими отпрысками сильная женщина взяла меня под опеку. Точнее, под контроль, с гестаповской решительностью. Ответов на вопросы всегда ждала конкретных и четких. Плавать среди «не знаю», «может быть» просто не позволялось. Трудиться должен был день и ночь, «потому что, Алешенька, о тебе уже никто не позаботится. Ты сам по себе». Отрезвляющие замечания умудренной женщины всегда возвращали в реальность. Делала она это регулярно. А после того, как у меня появился мобильник, вопросы про усердие и семью раздавались в моих ушах в два раза чаще обычного. Если в нескольких словах, то тетушка – гиперактивный спартанец-меценат, у которого для каждого находилась крупница внимания, забо-

ты и любви. Пусть и в такой требовательной форме. Видимо, фамилия Бауэр склоняла к тому.

– Тетушка, здравствуйте! Все нормально. Работа, работа, работа.

– Вот ты так всегда! Еще папа говорил, что из тебя клещами ничего не вытащишь. Развлекаешься целыми днями. Не брешь! Жену тебе надо! Тебе не восемнадцать! Семья это счастье. Пусть приправленное жгучим перчиком, но счастье. А когда пойдут дети, то сразу поймешь, что жил не зря! – ну вот, она снова завела пластинку «семья-счастье». Потом возьмет с меня слово, что обязательно подумаю о ее словах серьезно и «буду сажать свой корешок в правильный горшочек» – да, метафоры у тетки еще те. Потом взгрустнет, что все разъехались по разным сторонам, а ей теперь колесить по миру за внуками. Голос немного поникнет и осипнет. Но она скажет свое «так!» и голос снова отыграет сталью. Разумеется, все ей пообещаю. И жену-душку, и сына-оболтуса. Только как объяснить, что Москва большая, а мне попадают только одни Аленки? Время, что ли, такое?

Глава 2

«Импровизация – это эксперимент над своими возможностями и терпением публики. Научиться чувствовать края, через которые может перелиться волна глупостей, можно, но не сразу».

Никогда не считал поиск партнера правильным и логичным мероприятием вообще и через сайты в принципе. Сводит нас судьба, даря нам незабываемые минуты первых случайностей, а не алгоритмический расчет ограниченного круга ограниченных людей.

Но приложение «Леденец», ненавязчиво отрекламированное на разных сайтах, сообщало о лучшей жизни в крепком тандеме с избранницей, которую можно легко, подчеркиваю «легко», найти здесь.

Алгоритм работы приложения построен таким образом, что полноценно общаться и просматривать интересующие анкеты можно только пополнив баланс своего аккаунта. Так что и мальчики, и девочки, единожды пополнив копилку «Леденца», должны были это действие производить регулярно, так как приложение разными ухищрениями тебя к этому провоцировало. «Получи доступ к анкетам твоего региона», «Получи премиум-аккаунт», «Получи безлимит» и пр.– последовательность, черт ее дери.

На мгновение поддавшись идее быстрого разрешения одиночества, решил, что, возможно, не прав, и стоит дать шанс такому способу поиска пары для себя. А что, проще задать параметры – возраст, пол, город и приложение выдаст всех, кто попадает под этот ценз – чем бегать по Москве и искать очередную Алену.

Как оказалось, по мнению программистов, мне должны нравиться страшные, очень страшные женщины. Пошло вываливающиеся груди, развратно расставленные ноги, позы, полные эротики, разрывали мой телефон и мозг. Себя никогда не считал красавцем, но и ущербным тоже. Поэтому пришлось самому отбирать приглянувшихся особ не среди «рекомендованных» приложением, а гуляя по анкетам.

Действовать нужно быстро, иначе от постоянного лицезрения сей «неземной» красоты придется полюбить эту веселую пампушку с розовыми щеками, голубыми глазами в кожаном платье и плетью наперевес.

Расчет был прост: составить ряд шаблонов и разослать их потенциально приглянувшимся особам. А далее, если это не фейковая страничка, то действовать согласно законам импровизации.

Шаблон N1

Добрый день! Потерял самую суть существования: свои грезы и мечты. Скорее всего, украла вот эта мадемуазель,

фото прикладываю. Если что-то будет известно, то дайте знать. (Прикладываю фото той барышни, к которой было направлено сообщение).

Шаблон N2

Все остальные – просто люди. Верни мой сон и аппетит. Номер телефона такой...

Шаблон №3

Вы меня, конечно, простите, но так хорошо выглядеть нельзя. Этот букет вам, и не ходите здесь больше без него. (В конце букет и смайл).

Делаю рассылку по пятидесяти кандидатурам и получаю аналитику.

А она была такова:

«Шаблон №1» получил отклик у пятнадцати процентов респондентов, «шаблон №2» нашел отклик у примерно тех же пятнадцати процентов соискательниц, и «шаблон №3» – победитель в номинации «томный вечер у камина» – набрал без малого семьдесят процентов.

Секрет заключался в том, что в первых двух шаблонах была просьба, девушки видели, что от них ждет автор строк, и им становилось неинтересно. Таких «пришли свой номерок» или «фото без трусиков» тысячи. В инете ищут любовь

социопаты, скрывающие своих бешеных коней за экранами. Поэтому нужно резко от них отличаться. И сделать это нужно не то что с первых сообщений, а с первых букв! Иначе провал и годы в поисках.

Правильно выверенный алгоритм действий дал свой результат в первый же день. С десятков «звезд» этого приложения, имеющие самый высокий рейтинг по просмотрам, ответили на мое сообщение.

«как оригинально»

«ну, здравствуй»

«неплохо»

«Добрый день!»

Три первых ответа можно отсеивать – скорее всего, пустая трата времени. Либо вам делают одолжение своим общением – что хуже всего – либо по другую сторону сидит эмансипированный мизантроп в женском обличье и питается уничтожением мужского эго.

Остается примерно одна четвертая часть – те, с кем адекватно можно вести диалог, приводящий к личному, оф-лайн общению.

Теперь нужен шаблон второго уровня на короткие «Добрый день!» или «Очень приятно, спасибо». Он должен содержать немного аккуратного сомнения: «а не бот ли приложения мне отвечает, затягивая в игру с пополнением баланса?» – или, что еще хуже, под личиной милой девочки может скрываться злобный онанюга педерастической на-

клонности. Так что вполне уместна просьба: «Не пойми меня неправильно, но могу попросить тебя прислать реальное фото не из твоего альбома в приложении? Ты мне действительно понравилась, но после недели общения получить фото с мохнатым елдаком совсем не хочется». И вот те, что прислали фото – разумеется, «сделанные по-быстрому», – и есть потенциальные девушки для свидания. Этот этап занял еще день, поскольку сделать «по-быстрому» фото занятие не быстрое. Девушкам нужно сделать мейкап, найти правильный ракурс, а это примерно сто двадцать неудачных фото, и потом, если решится, то отправит.

И вот, первое свидание.

Свидание №1

Кучерявая Сесиль

«Занятое сердце – как выключенный мозг. Туда не достучишься и не дозвонишься. При всей явной деятельности там словно никого нет».

Встреча была назначена на восемь вечера пятницы. Самое волнительное – когда ждешь в машине запаздывающую подругу, возникает мысль: а не окажется ли она страшнее своих аккуратно сделанных фото? Мужикам, понятное дело, стесняться нечего. Что есть – продемонстрировал миру:

нос-картошка – пожалуйста, торчащие блины ушей – держите. Мужик берет харизмой, наглостью, обходительностью, романтикой, чуткостью, ну, если есть, то и умом. Потому мы не беспокоимся за свои прелестные фото. Они у нас все хоть сегодня на обложки женских журналов. А вот с фото девушек все обстоит коварнее. Эти профессионалы света и ракурса умеют скрывать недостатки, сменив угол съемки, чем создают множество неудобств при встрече. Обман – он и в Африке обман.

Сесиль – выдуманное имя, взамен Кати. Севшая в авто на полчаса позже оговоренного времени, она была еще лучше, чем на фото ее аккаунта, и излучала столько радости и секса, что можно было никуда не ехать, а предаться соблазнам прямо на месте. Милая и энергичная девушка светила позитивом, он из нее просто вываливался. Волнистые волосы, Сена, Париж, Сесиль, ммм... – она была воздушна. Но мою эйфорию прервал резко ударивший в нос аромат, больше походивший на одеколон. Гиперактивная брюнетка с волнистыми волосами очень сильно пахла каким-то парфюмом.

– Привет! Катя!

– Узнал, Алексей! В жизни ты куда приятнее, чем на фото. Признавайся, – улыбаясь прямо в глаза, продолжал, – где твои тараканы? Скажи, разбиваешь сердца влюбившимся по уши? Сердцеедка – не лучшее хобби, скажу тебе.

– Неет! – засмеявшись, ответила Катя. – Очень люблю ри-

совать! Какие у тебя увлечения?

– Лечу маленьким собачкам их маленькие лапки, – мурлыкал, продолжая все так же улыбаться и смотреть в огромные карие глаза Кати.

– Будьте серьезнее, Алексей!

– Как раз сегодня хочется побыть дурачком в вашей компании.

– Вы хотели бы уравновесить наши интеллекты? – смеясь, ответила брюнетка.

– Хотел бы оценить свои шансы.

В этот момент у меня сперло дыхание и жутко запершило в горле от разъедающего слизистую парфюма Катерины – по всей видимости, бабушкиного «Красного Октября». Такого количества ароматного удовольствия пережить не мог. Глаза налились кровью и вот-вот должны были лопнуть. Кашель перерос в череду удушения и был чреват асфиксией. Было бы нелепо умереть на первом свидании. Хотя это был бы плюс для Сесиль. Она бы в своем аккаунте так и написала: «Обворожительна и опасна». Или вот так: «Мужчины просто умирают от моей красоты». Шутки шутками, а окно все же приоткрыл.

– Немного душновато, – оправдывался, виновато улыбаясь. И буквально засунул в образовавшуюся скромную щель нос, пока Сесиль ковырялась в своей сумочке, – видимо, искала, чем еще можно побрызгать. Как жаль, что не взял сигарет, а то можно было бы оправданно открыть окно полно-

стью, не оскорбив девушку. Да что там окно, можно было бы все окна открыть, беспокоясь за ее здоровье, – пассивное курение гораздо вреднее, чем активное, и куда опаснее одеколona. Но сигарет не было.

– Едем в ресторан?

– Хорошо, – ответила веселая Сесиль.

– Давай тогда в ближайший, – чувствовал, что уже начинаю разлагаться от ее аромата.

– Есть итальянский, – растягивая слова, Сесиль вытягивала воспоминания из отравленного интоксикацией мозга, – но он на Профсоюзной.

– Давай, что ближе! – переживая, что не доживу, торопил ее.

– Есть торговый центр, быть может, там? – виновато ответила брюнетка.

– По-любому, там есть все то, что нам нужно. Стол и стулья, – набрав воздуха, ответил шутя, выдавливая улыбку.

Торговый центр был спасительным оазисом от этой капсулы без кислорода. В горле быстро пересохло и жутко хотелось пить. Видимо, организм быстро отреагировал на отравление и старался через почки вывести «Красный Октябрь». Нужно было срочно долить баки жидкостью. Еще на парковке мне мерещилась пара светлого пива. Два вытянутых стакана с золотым напитком, украшенным белыми шапками из пенных облаков, миражом маячили на поворотах. Невольно сглотнул. Сесиль что-то минут десять рассказывала, но ее

уже не слышал. Мы быстро поднялись.

– Здравствуйте! Могу вам предло... – начала было девочка на ресепшене. Но поняв, что на нее никакого внимания не обращают, побежала за нами.

Выбрав свободное место, сразу окрикнул официанта:

– Воды! – прозвучало надрывно и умоляюще. Парень в корпоративной одежде кивнул и удалился.

– Рассказывай! – переключила мое внимание на себя Сесиль.

– Как все это время жил без тебя? – продолжил ее вопрос. – Ходил-бродил, думал с «Москва-Сити» спрыгнуть, но там вход платный на смотровую площадку, а Леша человек жадный, потому и передумал.

– Это очень смешно! – заливалась смехом Сесиль.

– Потом устроился ветеринаром в ветклинику «Дог-Дог», может, слышала?

– Нет. У меня нет питомцев, да и на районе не обращала внимания, – ответила брюнетка.

Волосы густой копной красиво лежали с правой стороны, оголяя плавный переход шеи. Мочку уха аккуратно украшала серьга с фианитом. Странно, почему такую прелесть не успел никто завернуть в золото и бриллианты? Еще когда заходили в ресторан, обратил внимание на ее талию и приличных размеров, именно приличных, то есть размеров, вызывающих приятные фантазии, ягодницы, спрятанные в штаны с высокой талией.

Вешая пальто, Сесиль невольно продемонстрировала грудь третьего размера. «Хоть бы они не напоминали сдутые шарики», – помолился про себя. Нет ничего хуже обманутых ожиданий! Вот так смотришь на формы, представляешь, как лежат в твоей руке, как упруги и свежи. А потом бац, а там пушап. Здесь подстава такая, что если открыл подарочек, то нужно доделывать начатое до конца. Вроде как взялся за грудь – делай что-нибудь. И это нечестно по отношению к мужчинам. Какой расчет? Самочка заманит в свои силки на пышные формы кобелька, а потом будь что будет? Сами потом расстраиваются. Отношения не начинают со лжи! – прямо захотелось вставить избитую фразочку из мыльного телесериальчика о разбитом счастье.

– Ты смотришь на мою грудь? – удивленно, но уверенно спросила Сесиль.

– Нет, просто ты чем-то испачкалась, – попытался оправдать свою оплошность.

– Видимо, влезла... – она опустила глаза, рассматривая пятно, – в интригу по уши! – продолжала все заносчивее акцентировать на себе внимание обижающаяся Сесиль.

– Давай так, – поднял ладонь, останавливая поток негатива. – Ты действительно выглядишь хорошо. Ты привлекательна и наверняка приложила для этого немало усилий. Мой застывший взгляд ни о чем не говорит, думал вовсе не о сиськах! – ее это слово почему-то рассмешило.

– Да, конечно, не о них! Все вы одинаковы! – продолжала

заводиться брюнетка.

– Думал: почему такая привлекательная девочка ищет спутника в интернете? – старался взвешивать каждое слово, аккуратно перемещаясь по минному полю взрывного нрава Сесиль. – Это эксперимент? Или, скорее всего, у тебя есть кто-то. Потому на активность в реале у тебя нет времени?

– С чего ты взял? – она опустила глаза чуть влево. – Просто я – занятой человек, – быстро ответила Сесиль, качая головой из стороны в сторону, так, как будто придавала вес своим словам, но тут же их и отрицала.

– Хотя бы потому, что ты не особо заинтересована в нашей встрече, ищешь конфликта и тебя совсем не волнует – обидит ли твое поведение сегодняшнего кавалера или нет, ведь у тебя есть основной. Вы с ним поругались – так понимаю?

Сесиль сглотнула и увела глаза. Так удачно мне давно не удавалось попасть в цель.

– Ладно, не грузись. Давай немного выпьем. У меня тоже не все шито-крыто, – Сесиль сверкнула глазами. – Нет, свободен, но лучше бы не был, если понимаешь. Последнее время совсем тоска.

– Давай, только немного, – поставила условие остывшая девушка.

– Официант, виски! – произнес с апломбом, придавая театрального пафоса сказанному.

– Ты не работаешь в ветклинике? – считывая меня, пыталась предположить брюнетка.

На стол официант учтиво поставил два виски по сорок и колу.

– Давай сыграем в игру. Ты отгадываешь мою профессию, и тогда тебе не придется платить за ужин.

– Что?

– А ты думала, наша встреча бесплатна? Мне казалось, четко дал понять расценки?! – с серьезным видом удивился ее вопросу.

Глаза Сесиль округлились. Расхохотался, не выдержав ее наивности.

– Извини, мне показалось это очень смешным. Это действительно было смешно. Твои и без того большие глаза стали просто огромными, как в японском аниме.

– Это смешно, и я тебе почти поверила, – раскрываясь, засмеялась Сесиль. – Мужской эскорт. Знаешь ли, Москва – все возможно.

– У тебя красивые глаза, черты лица. Ты имеешь восточные примеси?

– Нет, у меня фамилия русская.

– Ты врешь. Кто смущается своих корней? Видимо, тот, кто не знает, какой реакции от собеседника ждать. Сам похож на таджика, когда не моюсь и не бреюсь. А когда отращаю противные длинные усы и ехидно так улыбаюсь, оставляя вместо глаз щелочки, то похож на казаха. А ты еврейских кровей.

– Ты мне надоел! – шутя, обиделась Сесиль.

– По линии матери?

– Нет, по линии отца.

– Значит, тебе, исходя из еврейских убеждений, ничего еврейского не передалось. Еврейство передается только по женской линии.

– Глупость, но это так. Даже претендовать на гражданство не могу.

– С одной стороны, это предрассудок. Но с другой: продиктованная необходимостью вечно скитающегося народа, теряющего мужчин в рабстве и в войнах. Носителями генофонда приняты считать женщин, иначе бы вымерли как нация.

– Логично. Любовь к арифметике передалась от отца, есть разряд по шахматам. Рисую.

– Точно еврейка. Ни одного вида тяжелого труда не назвала. Нет любви к земляным работам, и родина, видимо, где-то там.

– Родина у всех где-то там. Точнее, там, где лучше.

– Звучит пошло. А как же связь поколений? Привязанность к земле?

– Привяжусь к ней, когда двину кони! – звонко подметила Сесиль и захохотала. Ей понравилось такое резкое и такое мрачное уточнение.

За беседой мы незаметно уговорили двести грамм виски. Салаты сменились горячими блюдами. Сесиль все больше таяла, становясь по-дружески открытой. Душевность, ост-

рый ум придавали ей особый шарм, который лишь подчеркивал ее природную красоту. Она была совсем юной девочкой, ей было меньше, чем указала в анкете, всего-то двадцать один год. Но опыт был достаточным, чтобы подметить мой взгляд на ее груди и тут же обобщить, что все мужики – козлы.

– Он тебе изменил? – спросил, поднимая виски.

Поднесенный к ее рту прозрачный стеклянный друг на мгновение остановился – она думала, говорить или нет. Глухо угукнув в него, проглотила уже не обжигающую солодовую прелесть. Сесиль смотрела в блюдо с остатками мраморной говядины и куда-то уносилась.

– Главное, не думай о нем плохо!

На этой фразе Сесиль подняла на меня удивленные глаза. И уже хотела отстоять позицию оскорбленной мадемуазель. Но, не дожидаясь ее тирады, продолжил.

– Думай о нем ужасно! Например, так: к тридцати пяти у него обмякнет хрен и единственное, кого он сможет радовать, так это губку Боба. Или так: полысеет, все пассии, что набивались к нему в подружки, предпочтут совершенно других ребят, и он останется в гордом одиночестве. Начнет в голове перебирать всех, кому доставил кучу неприятностей и боли. И вспомнит, разумеется, тебя, такую легкую, такую сексуально-вызывающую, бескорыстно к нему привязанную. Решит, что сейчас самое время все исправить, и наберет. Нет, эта гадкая трусливая обезьяна напишет тебе семь лет

спустя банальное «Привет! Как дела?». Тошнотность этого тривиального сообщения в том, что автор поленился подумать над более глубокой мыслью. Ему кажется, что больше и не понадобится, чтобы оценить его уровень отношения к тебе. Похоже на кость, брошенную небрежно между делом. Но ты будешь вить веревки постепенно из этого балбеса, наслаждаясь каждым мгновением, подшатывая и без того опрокинутое это изменника. Твой ответ будет «это, собственно, кто?». «Как так?» – подумает...

– Как его, кстати, зовут?

– Захар! – блестя радостными глазами, произнесла Сесиль, упиваясь рассказом.

– Захар?! Ты слишком оригинальна! Не могу удержаться, секунду, – словно в ожидании чиха отвернул голову на бок, прикрыв глаза и приоткрыв рот, – момент, вот... сейчас... заржу! Как можно общаться с Захаром и называть его имя друзьям?! Они наверняка все как один катались по полу. Захар из Обломова – смотри, как символично сложилось.

– У меня и в мыслях не было проводить такую параллель. Но действительно вышло глупо. Ребус, – смеялась брюнетка, перекидывая волнистые локоны то с одного, то с другого плеча.

– Захааааар! – крикнул в сторону официанта.

Парень азиатской внешности примчался на пьяный клич самого хохочущего столика. Улыбаясь, поинтересовался:

– Еще виски?

– Вам с таким именем, – продолжал литературную тему, смотря на официанта, – нужно говорить «Чего изволите—с-с-с». Не обижайтесь, просто мы обсуждаем литературных, карикатурных и вялых персонажей, чья роль в любом произведении – мимолетное присутствие в жизни главного героя или героини. Как вы считаете, стоило ли Анне Карениной пробовать на вкус сначала причиндал Вронского, а потом рельс?

– Я не знаю... – уже краснея, произнес растерянный Захар-официант.

– Виски, голубчик! – посмотрел на одобряющую мой выбор хохочущую Сесиль и театрально продублировал: – Виски!

Сесиль смотрела сверкающими от радости глазами. Она была пьяна и свободна от камня, тяготившего ее столько времени. Девочки вообще впечатлительные создания, способные на уровне глубокой драмы переживать сломанный ноготь, а измены так вообще на уровне смерти. Так что конская доза эндорфина с моим участием ей однозначно была прописана.

– Так на чем остановились? Захар! Получив оскорбительный ответ «кто это?», он поймет, что номер его удален, а на память, как ни странно, ты одиннадцать цифр не помнишь, и немного поникнет. «Это же я...». Ты его называла как-то любовно?

Сесиль задумалась.

– Нет, ну не Зайка же?! Слишком много пошлостей за вечер!

– Нет, Котя, – сдерживая улыбку, прошептала Сесиль.

– Давай так: этого не слышал, а ты сказала что-нибудь более творчески неожиданное.

– Серуша! – поддержала игру кареглазая.

– Хорошо. «Это же я, Серуша». «Какой Серуша? Извините, мы знакомы?». Тут эта бестолочь не выдержит и захочет позвонить, чтобы, как он думает, родным голосом напомнить тебе о Его Величестве. «Здравствуй, Катя!», – застрекочет чудо из прошлого, – кто это?». «Это я, Захар», «Неожиданно, давай тебе перезвоню». Вот здесь начнется самая сладкая месть. Разумеется, он назначит свидание, ну так, просто поболтать, все же не посторонние люди. Ты нехотя, но согласишься на встречу где-нибудь поближе к дому. В день встречи намарафетишься, наденешь новое платье, подчеркивающее твою точеную фигуру и неожиданно открывающее твой притягательный бюст.

– И про туфельки на высоком каблуке не забудь! – встала Сесиль важную деталь своего будущего образа мстителя-карателя.

– И, конечно, шпильки. Легкость движений, огромные карие глаза, свежесть во всем сделают его рабом у твоих ног. Он вроде бы начнет вести себя как прежде: немного дерзко и вызывающе. «Старые понты для малолеток», – подумаешь ты. Но скажешь: «Ты не изменился» и улыбнешься плещи-

вому. Он начнет постепенно подходить к тому, что допустил в своей жизни много ошибок, но главная была в том, что отпустил тебя. «Это не была ошибка – ты спас меня. Вот смотрю и понимаю, как мне повезло встретиться с таким имбецилом так рано, а то бы свадьба, дети, так и жили бы всю жизнь: ты гулять, а я в слезы и пеленки. Так что рада, что дождалась такого унижительного, но вдохновляющего момента. Прав был Бауэр». Он расплачется и расплатится за счет. А ты красиво уйдешь, в образе королевы-победительницы. Враг повержен, королевство спасено.

– Вот именно так и хочу! – бодро, словно забыв о проблемах, сказала Сесиль.

– Время позднее, пока тебя провожу, пока доберусь. Поехали?

– Поехали! – поставила точку в ужине брюнетка и собралась в уборную.

– Слушай, ты надолго?

– Нет, – удивленная таким вопросом, ответила Сесиль.

– Только не пользуйся своим парфюмом, он перебивает твой куда более приятный аромат, – улыбнулся. – Жду на парковке, – подмигнул.

Сесиль скрылась в коридоре ресторана.

Эта девочка меня все больше очаровывает. Что-то в ней есть из картин Климта. Какая-то женственность и незащищенность.

Добрались до ее дома так же быстро, как от него до тор-

гового центра.

– Ты запомнил адрес?

– Еще помню твоё увлечение, имя матери, день рождения, имя бывшего, попытки перебраться на историческую родину и что у тебя карие глаза, – невольно потянулся к ней через подлокотник.

Она мгновенно отреагировала, подавшись всем телом навстречу. Тонна губной помады вымазала мое лицо, сделав из меня клоуна-маньяка, задыхающегося от желания обладать этой недотрогой. Возбуждение усугубилось оставшимися промилями. Рука жадно упала на её грудь, бедра.

– Ты заводишь круче любого допинга!

Она молчала и тянула к себе, забирая все то, что сегодня принадлежало ей по праву. Но добравшись до туго застегнутой пуговицы, держащей её взаперти брюк, получил «нет».

– Как «нет», когда конкретное «да»? – видел, что она меня хочет не меньше.

– Мы с тобой толком не знакомы.

– Ты была с ним знакома лучше и дольше, а свинью он все же подложил.

Она закрылась, скрестив руки на груди, и, отстранившись, уселась удобнее в пассажирском кресле. У Сесиль не осталось трезвых аргументов, кроме женской обиды на что-то.

– Извини, не хотел терзать рану, но ты как-то неожиданно для меня вдруг стала желанна. Ладно, не бери в голову. Ты должна понять: не время определяет, доверять партнеру

или нет. А его отношение к тебе вообще. Если Захар не считается с тобой, не живет ради тебя, то его отношение вряд ли что-то изменит в будущем. Хотя, может, и была романтика и десять первых свиданий, – тут вышел из машины, закурив.

Забавная и красивая чертовка! Осчастливит и замучает своего избранника. Как только поймет, что с ее далеко не кротким и властным характером нужно выбирать ребят помоложе, менее наглых и в меру опытных, вот тогда все у нее будет хорошо.

Такая девочка понравилась бы моему бате. Фигуристая, с естественно-розовыми щеками, дурная, но совсем чуть-чуть, чтобы можно было исправить и любить. Но мне нравится в ней только сегодняшней день. То, какая она злая и ничего с этим сделать не может. В клетку к пуме лучше не лезть.

Бывшая или настоящая подруга Захара смотрела в упор, не отводя глаз все время, что был на улице и курил. Наверное, мысленно сбивала меня трамваем, а потом мои останки доедали бездомные голодные собаки, стирая мое присутствие в ее жизни. Дурацкая правда никому не нужна. Но не принять ее Сесиль теперь уже не может. Открыв водительскую дверь, увидел: Сесиль явно приготовила речь и готова вывалить весь чан на меня. Ну нет! Такого удовольствия, пожалуй, ей не доставлю. Закрыл дверь, увидев округлившиеся глаза моей спутницы – она не понимала, что происходит. Сел на задний диван.

– Что ты там делаешь? – требовательно спросила она,

обернувшись ко мне и поджав под себя ноги.

– Что можно делать на диване? Сижу, отдыхаю, смотрю мелодраму.

– Не с моим ли участием? – начала заводиться брюнетка.

– Скорее свою мелодраму. Еще позавчера думал, как скучна и однобока жизнь: работа, дом, стакан. А сегодня поцеловал королеву бала и пощупал ее за грудь. Но вроде умная, амбициозная, не лишенная чувства юмора, привлекательная секс-бомба, никак не может определить для себя перспективы. И они точно не рядом с обсосом, принижающим ее. Даже обидно.

Тут осекся, обратив внимание, что на ней нет обуви, а взгляд хищный и игривый. Кошка стала совсем дикой и опасной. Подвинулся чуть левее, приглашая занять место рядом. Хищница не раздумывая перепрыгнула через барьер. Она кусала и царапала. В какой-то момент почувствовал, как со спины слезает кожа. Лишь бы ничего не откусывала. Как только мои руки приближались к заветной пуговке, так тут же ею они выворачивались – брюки Сесиль все так же были под запретом.

– Нельзя вызвать джина и не загадать ему желание, – досада от недоступности горячей девочки меня удручала. Что за дурацкая игра «пожамкай, но не войди»?

– Не переживай, мы его выпустим.

Сесиль облокотила меня с силой на спинку дивана и, смотря прямо в глаза, расстегнула мои джинсы. Она с ка-

ким-то остервенением взялась за меня – и тут стало страшно: оторвет.

– Ты его хочешь задушить? Это не подлая кобра, скорее домашний удав. Возьми его чуть мягче, обещаю, он не уползет.

Сесиль послушно исполнила просьбу и стала нежна.

Не то чтобы меня устраивала любовь в одни ворота, но отказываться от такого внимания совсем не хотелось. Так бывает, чуткие девушки иногда готовы жертвовать собой ради мужчин. Но это была не жертва. Сесиль меня благодарила за ту свободу, которая так ею была желаемая, но так недостижимая. Она, как маленькая девочка, потерявшаяся в большом замке, не знала, какую дверь выбрать, чтобы покинуть это мрачное место с привидениями и паутинами под названием «Захар». Мне было не сложно опрокинуть кулисы, обличив актера, игравшего роль ее принца. Жалкий упырь, мучавший бедную Сесиль. Теперь она вооружена правдой и, как героиня фильма «Леденец», будет обличать негодяев и вершить добро. Такая мысль о взаимобмене вполне оправданно сделалась основной, и мне оставалось только расслабиться под ритмичные движения красивых рук.

– Думаю, нам с тобой уже не придется встретиться, – заключила Сесиль, поцеловав меня напоследок. – Мне искренне приятно было это знакомство. И удачи тебе.

Сесиль неторопливо натянула обувь на свои маленькие ножки, накинула курточку и выскочила, улыбнувшись

на прощание. Закончил Бауэр, а облегченная вышла она, полная новых начинаний.

Нетрудно понять, куда движется такой пройдоха Бауэр и что наши дороги лежат в разные страны. У нее на горизонте маячит Фемелилэнд, а мне дорога в Развраткантри. Как все же иногда бывает просто сказать себе «да» после стольких «нет». И почему «нет», когда именно «да»? Да – нужно быть реалисткой, да – его не исправить и да – счастье не за горами и не так тяжело, как казалось.

По металлу глухо застучали капли дождя. Провернул ключ доброго мерина, и он затарахтел дизелем. Упершись в одну точку перед собой, обнял руль и смотрел на водяные борозды, рассекавшие стекло. Ночь, улица, фонарь...

Глава 3

Вторник – лучший день после понедельника. Он символ того, как неумолимо тянется неделя к своему завершению. И жизнь клерка становится оттого чуть проще. Принятые в понедельник решения отменяются в этот день. Но свадьбу, на которую был приглашен, отчего-то в этот день не отменили. Птички пели, солнце светило, а прекрасное время, где можно было нажраться в хлам и тебя за это еще и похвалили бы, приближалось.

Проснулся в бодром настроении. Принял душ, намарафетился. Проверил дыхание, дыхнув на ладошку, проверил подмышки. – Жеребец! – обратился к отражению. И выпорхнул на улицу.

Солнце светило, соловьи заливались.

Едва вышел за угол дома, мое сердце оборвалось. Одинок стоящий на парковке мерин был изуродован надписями белой краской, а все четыре колеса проколоты. «ЭТА СУКА ТОГО СТОИЛА?!» и «Я ТЕБЯ ЛЮБИЛА» буквально светились на всю улицу, и на этот свет летели прохожие.

Стою в метре от своего внедорожника, а брови никак не могут вернуться в исходное положение. «Что это?!». Смешанное чувство досады, печали и сарказма погрузило меня в молчание на грани траура.

– Твой, что ли? – обратился ко мне мужик, всем ви-

дом и запахом сообщающий о своем вольном нраве и духе. Выхинский хиппи, недавно ковырявшийся в мусорном бачке возле магазина. Его забавляла картина проколотых шин и надписей, красовавшихся со всех сторон моего авто. Я не ответил.

– Хех, бабы – они такие. Чем горячее в постели, тем мстительнее за ее пределами, – «радовался» за меня мужичок, шепелявя без передних зубов. – Машина не член, можно восстановить, – ободряюще заявил он. А ведь прав. Даже смешно. Кроме нее, больше некому удивлять в постели и в жизни. Приложил ладонь к щеке – жгло воспоминание. Кроме Аленки, такую херню никто бы не выкинул. Она набирала обороты.

– Братиш, подкинь денюжат, – за добрые слова и учтивость мужичок просил оплату.

– Сам в поисках.

– Заработка? – удивленно посмотрел на меня.

– И счастья...

К ресторану в пределах Бульварного кольца подъехал с большим опозданием. Паркуясь, поймал смешки водителей и прохожих.

– Можно сфотографироваться? – обратились ко мне проходящие мимо девчата. Им было смешно от надписи с водительской стороны: «Эта сука того стоила???».

– Можете написать на машине свой телефон, – закрывая

дверь, подмигнул студенткам. Они хихикнули.

Гостей было меньше сотни: немного родственников с одной и с другой стороны, друзья и коллеги.

Ведущий праздника, как по мне, должен дирижировать мероприятием так, чтобы бордовыми лицами светилась только часть гостей. Он должен держать хрупкий баланс между силами алкогольного зла и нудными снобами, вынуждающими его зевать от скукоты. Но праздника в душе так и не оказалось. Набравшись смелости и опрокинув пару шотов с водочкой, взял слово:

– Дорогие мои! – обращаюсь к молодоженам, – брак – это тыл, который вас всегда прикроет, оставляя где-то там бушующие страсти повседневности. Но сберечь его – особый талант и непомерный труд. Ты, Глеб, еще тот бездельник, так что это последний шанс принять себя и не спорить с судьбой. Такси у входа, бежим! – Глеб, сидя за отдельным центральным столом, только одарил меня пьяной улыбкой, больше походившей на улыбку одурманенного пленника, чья рука находилась в оковах цепкой невесты. – Крепкая уверенность в своей правоте и непоколебимость в выборе. Держитесь, ребята, друг друга! Сложно найти свою половину! – и уже шепотом добавил: – Глеб, машина стоит еще десять минут.

Часть зала, на которой расположились родственники жениха, смеялась от души. И среди них шире всех улыбалась Норма Джин Бейккер. Не иначе как Мэрилин в молодости, она радовалась присутствию в этом зале еще кого-то, кро-

ме престарелых родственников и женатых друзей ее двоюродного брата. «Дорогая Монро, буду вашим президентом в этот вечер», – вел мысленно с ней диалог через столики. Густые, золотистые волосы обрамляли милое фарфоровое личико. Куколка с красными, как клубника, губами, не отводя взгляд, озорно аплодировала, пока не сел на отведенное мне молодоженами место. Все остальные сорок минут королева вечеринки находила повод сесть вполоборота и кинуть взгляд на заинтересовавшего ее Бауэра.

Ох уж эти свадебные забавы. Всегда такие разные, такие веселые. Посмотрите это фото наших молодых до того, как они встретились. Это Глеб в грязи и совочком – когда он нажрался, как свинья, на двадцатилетие, это Ника получает диплом. Потом еще час фотобиографии, результатом которой должна быть их замечательная свадьба. Потом много-много музыки, чтобы не особо себя слышать, еда, выпивка, тривиальные шутки ведущего о святости уз брака, о равенстве полов и прочей ахинее.

И наконец уставший ведущий предложил потрясти костями. Встал, встала и Мэрилин. Двинулся в ее сторону, она смотрела и ждала. Только протянул к ней руку со словами «Дивная...», как меня буквально в метре от нее перехватила бабушка Глеба. Грузная, ниже среднего роста женщина килограмм двухсот хватает меня за руку и насильно принуждает к бальным па.

– Не откажете преклонных лет даме? – сверля глазами,

улыбалась ехидная старушка. Разве откажешь милой бабуле за шестьдесят в безобидном удовольствии оторваться?

– Почту за честь, Жозефина! – отчеканил с бравадой и цокнул, как гусар, каблуками.

Кружить в свадебной карусели два центнера при смерти еще то увлечение, но Мэрилин эта неожиданность только завела. Внезапный «перехват» очень развеселил ее, и она заливалась от смеха. Выбрав из противоположного лагеря кавалера подряхлее, она буквально выдернула его на энергичный танец. Дед ошалел. Мне отсюда чувствовалось подростское давление, пробившее барометр старика, а клацающая челюсть норвила покинуть расплывшийся в улыбке рот пенсионера. Счастью не было предела.

Поблагодарив подругу за чудное времяпрепровождение, сообщил, что кони не кормлены и Франция в опасности, но она, Жозефина, покорила мое сердце. Старуха сверкнула по-девичьи глазами и кокетливо разулыбалась, обнажив ровный ряд зубов. Наверняка в молодости порядком повидала членов. Приятная старушка. Если вдруг стану геронтофилом, то она будет первая, кому позвоню.

В небольшом уличном закутке возле ресторана уже толпилась вся курящая братия.

Обмен банальностями по поводу великолепного вечера и выбора чудного дня для такого замечательного праздника прошел быстро. Встав чуть дальше остальных, затянулся как полагается – полной грудью. Хорошая затяжка без по-

стороннего внимания, когда никто не мешает насладиться отравой – куда приятнее, чем публично дымить, поддерживая образ брутала. Дым, обжигая трахеи, постепенно оседает, отравляя смолами кровь, мгновенно поднимается вверх, щекоча скаल्प. Прикрыл глаза, затянулся.

– Привет! – молодой женский голос звоном вернул меня из состояния эйфории в обывательский праздник.

– Саутон и Порчер, – заявил, открывая глаза.

– Не поняла, прости, что ты сказал?

– Саутон и Порчер. Два предпринимателя, додумавшиеся продавать аплодисменты.

– Интересный факт...

– Матерые аферисты быстро раскрутились, поняв, что мнением можно манипулировать, а люди – ведомый скот. На премьерах новых артистов или спектаклей они подсаживали своих людей в зал, и те, в свою очередь, бурно осыпали овациями выступающую труппу. Зал взрывался по принципу домино. Лишь бы не показаться невежами, люди рьяно долбили в ладоши. Кассовые сборы росли, а с ними и процент Саутона и Порчера. Ваши сегодняшние аплодисменты купил по большой цене.

– Спасибо. Они были искренние. Все пришли словно на вручение Нобелевской премии или званый вечер в Кремле. Ни пошевелиются, ни улыбнутся. А ведь праздник. То ли дело вы.

– Бауэр Алексей. И давай все же на «ты», если не против?

– Саша. Не против, – все так же улыбаясь, нерешительно подала мне руку моя спутница.

Поклонившись в реверансе, поднес ее кисть к губам. Прикосновение было легким, кожа нежной, а Саша озорной.

Папа Саши обладал чутьем и позвал ее по каким-то неотложным делам, сверкая гладковыбритой лысиной. Ярко-красный джемпер вел мою восемнадцатилетнюю Мэрилин в стадо рыхлости и заносчивости. Безбожники! Они думают, она хрупкий цветочек и их оранжерея уберезет ее нежные лепестки от сорванцов. Бьюсь об заклад, Саша уже перетрахала половину своего курса, причем на постели своих родителей и пару раз у бабушки.

– Бауэр, могу с тобой поговорить? – отвлек меня Игорь от размышлений о прелестнице. – Тут такое дело, у меня появилась девочка.

Алкоголь ударил по голове тремя стопками и стало резко приятно. Прохладный ветерок дернул челку набок. Глаза сузились, образовав только одному мне понятную радость от любви к моменту.

Через дорогу, заложив руки за спину, стояла девушка в бежевом платье. С площадки возле ресторана, где курил, казалось, что она смотрела в нашу сторону или даже на меня. Фокус образовался не сразу. Но посмотрев пристальнее, понял. Напротив ресторана стояла Алена. Алена! Туристический автобус скрыл застывшее, как в фильмах ужаса, сконцентрированное тело моей недавней страсти из вида. Му-

рашки пробежались по спине. Меня передернуло.

– Поздравляю, это куда лучше одинокого манипулирования естеством, – смотрел все так же, не моргая и не отводя взгляда, на ту сторону, где вот-вот должна появиться моя психанутая подруга.

– Да, все ништяк. Девчонка огонь, талантлива, весела. Поет в ресторанах, голосище! Балдею от нее.

– Но? Есть какое-то «но»? – автобус стоял в пробке целую вечность, скрывая пронзительный взгляд Алены.

– Да, понимаешь, как только доходит... ну ты понимаешь... – мой друг виновато осмотрелся, – так возникает ступор. – Автобус отъехал, и там не было никого. Жизнь становится веселее. Но сомнений не было: послание на авто – привет от извергнувшейся больной любовью Алены. Этот Везувий пока только обдал пеплом. Скоро будут грохот, взрывы, землетрясения и уничтожающая тягучая масса злости.

– Главное, что это «но» – не член гермафродита. Ладно, не слушай меня, это деликатная тема. Но стесняться ее нечего. Когда наедине с собой остаешься, бывают сбои?

– Нет!

– Тогда ты здоров и пить ничего не нужно. Так бывает. Мы неосознанно продолжаем относиться с опаской к, по сути, постороннему человеку, не доверяем. И оттого «черепашка не покидает свой домик». Ты не знаешь наверняка, как она отреагирует на тебя, теперь уже в новом обличье Калигулы в ее постели. И сомневаться в своих силах естественно, осо-

бенно когда девочка очень нравится. Еще сомнения из-за здоровья, разумеется ее, ведь в своем-то мы всегда уверены. И это тоже норма.

– Так что делать?

– Ничего. Просто занимайтесь тем, чем занимались раньше: смотрите кино, читайте, разговаривайте, но только голые. Поверь, девчата так же стесняются себя, как и мы. Так что свои недостатки перекроешь ее изъянами. После пары дней такой терапии перестанете обращать внимание на моральные барьеры и будете прямо на улице друг друга дониматься. И сдайте анализы.

– Еще вот такая штука меня смущает. Она не спрашивает про защиту и сама не предлагает. Как с этим быть?

– Бросай эту проשמандовку и найди себе бабушку с другими принципами! – мне было весело.

– А если серьезно?

– Тогда понятна твоя неуверенность. Поговори, объясни, что тебя беспокоит, не дура, втянется в диалог. Ну а если дура, то не мучь себя и говори ей «прощай». Давай, расскажешь, как все прошло.

Игорь пошел к остальным в курилку, оставив меня наедине с собой.

Мэрилин послушно стояла в родственном кругу, среди семейных философов и домашних бихевиористов, внимательно слушала неизбежный разговор о высших силах и природе вещей. Такие разговоры начинаются в состоянии белой го-

рячки, усугубленной маразмом. Мэрилин нужно спасти!

– Если говорим о Боге, извините, что встречаю, – нагло вклинился в мирную беседу старперов.

– Ничего, ничего. Будет интересно услышать мнение молодежи на этот счет, – сообщил профессорского вида носитель очков, снисходительно отвечая за всех.

– Если говорим о Боге в привычном и обывательском понятии этого явления, то его, на мой взгляд, нет.

– Что вы подразумеваете под «обывательским»?

– Обывательское – это олицетворение Бога в виде субстанции света или вполне себе индивидуума в человеческом облики. Который, по собственному желанию или нет, дает жизнь, судьбу и прочее предопределение бытия. Здесь привычнее для меня прозвучит фраза физика: мы все рано или поздно попадем в бесконечный космос в виде частиц. На фоне этого все официально существующие конфессии – просто эпилепсия. Такая трактовка – самое короткое резюме на все концепции религий и в то же время научное обоснование высших сил.

– Любопытно, – переваривал пьяным мозгом собеседник мои слова.

– По мнению Невзорова, у религий всего два пути: либо они эволюционируют под общий образовательный минимум, удовлетворив с научной точки зрения потребность масс в чуде, либо они изживут себя и канут в Лету.

– Вы восхищаетесь атеистом Невзоровым? – обратились

ко мне Очки.

– Не нужно приравнивать атеистов к особо умным товарищам или к культурным невеждам. Скорее атеист – человек-циник, не приемлющий понятия любви как бескорыстного на высшем уровне. Расписывающий его как химическую реакцию, и психологический кульбит. Атеист больше человек фактов и опровержений конфессий, чем слепо верящий в идею отсутствия божественного вмешательства. И нет, не восхищаюсь. – Мерилин смотрела на меня, и было непонятно: она испугалась моего вмешательства или возбудилась от наглости?

– Быть в стороне от общей духовной эйфории не так уж и плохо. Это снимает с вас эмоциональное бремя, позволяет не кривить душой, сочувствовать без слез или не впадать в рождественский экстаз. И такая модель поведения, скажу вам, становится все более популярной. И вот почему. Это позволяет избавиться не только от религиозных постулатов как обязательных, но и от прочих, моральных принципов заодно. Если уж слово Божье поправили, то почему наставления ограниченного круга лиц будут обязательными к исполнению? – подвели к бесконтрольности и беспринципности «новых» поколений Очки.

– И здесь скрыта большая яма для текущих и будущих пенсионеров на ближайшие 30 лет, – перехватил отнятую инициативу. – Отсутствие морали даст новому поколению спокойно воспринять не то что увеличение пенсионного воз-

раста, а вовсе отмену пенсий по старости. Иными словами, каждый сам по себе. Тебя вырастят, воспитают. Но после восемнадцати ты один до самого конца. Не будет морали, обязывающей хранить связь с детьми, женами, родителями. Нет ничего, что позволит тебе морально надавить на них и заставить содержать тебя. Так что в этом контексте религия является катализатором нравственности. В какой-то мере ее наличие необходимо в переходный период и мы его достигли. Но эта мораль устарела.

– Интересная и наивная теория, – надменно сказали Очки.

– Не думаю, что у вас есть что-то больше, чем еще одна теория. Если, конечно, в кармане не завалялся краугольный камень бытия.

– Ваш катехизис нравственности понятен, – резко обрубил профессор.

Мэрилин, взяв меня под руку, сообщила окружающим, что нам пора присоединиться к бунтующей молодежи и проведать скучающих молодоженов. С чем согласился папаша, засмушавшийся невольного конфликта с профессором.

– Ты очень разговорчив, – тянула за собой моя Мэрилин. Она как будто почувствовала момент моего алкогольного согласия на все и потащила куда-то. Ей было весело, она шаловливо улыбалась и тянула дальше, мимо молодоженов.

– Это все ты и водочка. Профессура не права. Мнение, даже, если и отличается от их мнения, оно все равно мнение, – мы шли очень быстро, почти убегали.

– Обожаю умных людей, но не перевариваю умников, – без остановки говорила Мэрилин, пока мы шли. – Последние считают, что пересказав пару тройку избитых фраз или философских изречений, они станут лучше своих слушателей, думают, что превосходят их в интеллекте. Но это заблуждение. —Ее бедра в облегающем платье, гипнотизируя, переваливались с одной на другую сторону. – Они просто печатные машинки, отчеканивающие своим языком мыслителей и ученых прошлого, придавая больше красок патетикой и усиливая значимость повышенным тоном. Умник будет стараться унижить, как можно больше напустить непонятной терминологии в свой монолог тщеславия. – Мы не шли в сторону уличного закутка, где курили гости, не шли в зал ресторана. – Умный же будет использовать в дискуссии доступный слушателю сленг, стараясь не подавить оппонента, а раскрыть истинность своего суждения, – Мэрилин затащила меня с противоположного входа и мы юркнули в гардероб. – Обожаю последних за их гуманитарную миссию в сфере просвещения, – она без предупреждения крепко поцеловала меня среди курток и плащей. Затем отстранилась на вытянутые руки, словно проверяла, превращусь в принца или нет. Превращение не состоялось, и она продолжила.

– Ты гораздо лучше твоей бабушки. Хотя, если с тобой бы не срослось, то у меня был бы запасной план, – смеюсь вместе с ней.

Мэрилин снова всосалась в мое лицо. Пахнуло шампан-

ским и помадой. Сколько нерастраченной страсти в этой хрупкой девочке. Забурившись в куртки, прижал ее к стене, лапая так, как будто искал ключи у нее под платьем, она хотала и горела.

– Саша! – грубый командный голос прервал мои изыскания. Папа сверлил взглядом дочь, испепеляя и меня. Думаю, он верил в свою сверхсилу и у меня должен был отвалиться член или образоваться опухоль. – За тобой приехал твой молодой человек. Максим ждет тебя у входа, – папаша излучал злость. А Бауэр обалдевал от крутизны девчонки, только казавшейся кроткой. Максим, Максим, ты попал.

– Пятно на платье стирали... – пытался подкинуть Саше оправдание для будущего разговора с грозным родственником.

Бенито Муссолини мысленно меня четвертовал, пока его невинное дитя покидало шоурум из чужих курток и пальто.

Саша на прощание подарила мне шаловливый взгляд и улыбнулась собственной наглости. Папа дождался ее выхода из гардероба, затем вышел сам, плотно прикрыв дверь и подарив мне на прощание очередной уничтожающий взгляд.

«Пора домой и мне, веселее уже не будет», – подтягиваясь за повешенную куртку, встал.

На парковке меня ждал арт-объект, возле которого фоткались с разных сторон прохожие.

– Кыш, кыш, кыш, – расшугал зевак. Затем сел в авто и обратил внимание на десяток следов от поцелуев на боковом и лобовом стеклах. Резко обернулся – на сиденьях никого. Ощущение, что она рядом, теперь не покидало мою лохматую голову. Вот так, раз и пришла паранойя. Интересно, как долго это разнообразие продлится? Выдохнул, раздув щеки и приподняв брови.

– Аленка, – хмыкнув, улыбнулся и завел авто.

Глава 4

«Меньше слов – больше дела».

Уже семь дней как за городом. Машина отказалась заводиться еще в начале недели. Видимо, мстила за надписи, что все еще красовались на кузове. И решать этот вопрос стало лень. Чертыхнувшись, хлопнул дверью и пошел обратно в дом. Выезжать на работу нет необходимости, все текущие обязанности можно было сделать и удаленно. Так что буду здесь.

Заметил за собой странность. Чем дальше от соблазнов, тем сильнее их хочется. Выпивки, баров, караоке, случайных друзей на один вечер, городской суеты, пробок, агрессии. Видимо, это все формировало мою жизнь, и без этого набора ее как будто и не было. Москва забирала, но и давала много сил. Это город-контраст. Взглянешь на него унылым, серым взглядом и он станет таким. Но мне виделся вечно живущий город, полный интересных людей и событий. От этого понимания словно становился его частью, частью его вечности.

В доме было пусто и тихо.

Иногда хотелось такого уюта, созданного твоей половиной, при котором несутся по дому ароматы с кухни и мелодичный голосок в полсилы напевает знакомый мотив, а ты

вроде как непричастен к этому миру, но все же в нем. В эти моменты особенно становилось тоскливо и потребность в общении возрастала в разы. Нужны были одноразовые друзья из бара или подруги – с кем можно было пооткровенничать и забыть на следующий день.

Со временем ценз растет, и не всякий персонаж может стать по-настоящему близким. Больше требований – меньше шансов найти ту самую подругу по сердцу. Такое ощущение, что это гонка времени с нарастающей массой предвзятости. И, судя по всему, эту гонку проигрываю.

Поняв, что разницы между поиском партнера вживую и в интернете, по сути, нет, – и там, и там встречаются «Аленки», – начал делать рассылку по разработанному ранее алгоритму в приложении «Леденец». Сообщения летели десятками. К ответам был более внимателен. А вдруг найду ту самую, что раз и навсегда? И схема сработала в очередной раз.

Свидание №2

- У меня был дождь)
- И сейчас какие-то тучи пролетают
- Пить будем завтра?
- Обязательно!))) это же пятница, – отвечаю ей.

Мы переписывались несколько дней. И в какой-то момент она не выдержала и потребовала свидания.

Невысокого роста, довольно худощавого телосложения девочка села в машину.

– Лена. Я – алкоголик. Очень приятно! – девочка посмотрела пристальным взглядом, оценивая реакцию на ее заявление, теперь уже не казавшееся шутливым.

– Алексей. Алконавт со стажем. Готов вам предложить сопровождение этим чудным вечером в царство винно-водочного достатка и королевство бессмысленного трепа о высоком.

– Ты пить не будешь? – спросила она с удивлением.

– Вот еще! Сегодня же пятница!

– А как же авто? – намекала миниатюрная девочка в очках, что после бара точно не будет «кофе в постель».

– Есть такси, служба «трезвый водитель», в общем, решу, – выкрутился, однозначно сообщая, что вопросов к ней никаких не возникнет и сегодня у меня задача нажраться во что бы то ни стало, а ей пора расслабиться.

– Тогда поехали. Есть два варианта: здесь недалеко заведение, типа чайхана, или пивной бар «Пивчанский рулькин».

– Чайхана уровня «Чайхана №1» или шарашка? – поинтересовался у миниатюрной девушки.

– Скорее шарашка.

– Тогда – бар, – заулыбался в предвкушении знатной попойки в компании интеллигентного собутыльника.

Припарковавшись возле ресторана, предусмотрительно поставил машину лицом к кустам. Вариант «по домам» по-

сле посиделок меня не совсем устраивал. Выворачивая руль для маневра, краем глаза посмотрел на Дюймовочку на пассажирском сидении. «Трахнул бы прямо здесь, – подумалось о голоде, – а кабак можно и потом». Мысль завела и насмешила одновременно. Мои «ребята» подвернулись, собравшись в один кулак, а еле заметный прищур поджал глаза в незаметной ухмылке.

– Выходим, – заставил себя все же сдержаться. Бар – значит бар.

– Пошли, – ответила Дюймовочка. Она ловко спрыгнула с внедорожника.

Вышел из машины и опустился на одно колено. Завязывая шнурок, посмотрел на тридцативосьмилетнюю хрупкую, но фигуристую девочку. Подумалось о ее опыте, шустром нраве и маленьких жилистых ручках. На вид ей больше двадцати трёх не дашь. Лицо без морщин и косметического вмешательства удивляло гладкостью кожи. Так не бывает после тридцати, а под сорок вообще нонсенс. Рост хрупкого создания был так же мил, как и характер этой заводной штучки. Присев на колено, оказался ей почти по грудь – рост примерно 1,60 м. Фигура без излишеств. Она остановилась в развитии в свои пятнадцать лет, сломав механизм старения. Наверняка в магазине, когда она покупает вино, у нее просят документы и пристально сравнивают реальную Дюймовочку, чье лицо в действительности милее и моложе, с изображением в паспорте, искаженным светом. Показав, она удовле-

творенно забирает набор домашнего алкоголика с претензиями на аристократа: вино плюс минералочка – с газами алкоголь быстрее всасывается в кровь. Плюс ко всему это неплохо экономит деньги. Покупки совершает где-то в «Пятерочке» и ловит акции на пойло. Стрижка под каре, блондинка. Хорошо покрашена и уложена. Испорченное книжками зрение заставляет ее носить очки, но они только придают ее образу завершенность. Такая американская школьница-недоτροга в плиссированной юбочке, но по факту – оторви и выбрось.

Любовь к чтению выработала у нее интеллектуальный ценз, который неизвестно как прошел. Любит гулять и безмерно много пить.

– Народу должно быть немного, – сказала Дюймовочка, обратив внимание, как рассматриваю ее снизу.

– С чего это? Либо заведение так себе, либо я перегулял и сегодня не пятница? – засмеялся, поднимаясь с колена.

Ресторан оказался большим. Между посадочными диванами места хоть в футбол гоняй. Такое ощущение, что ресторатор этого кабака думал о проезжающих между столами лысых монахах 17-го века в таких коричневых балахонах с капюшонами, на повозках, груженных бочонками крафтового пива.

– У нас, бл... ь, все забронировано! – администратор смотрела на меня.

Послышалось? Администратор сказала «У вас зарезерви-

ровано?», но прозвучало это так: «Херли приперлись?!» – очень агрессивно и вызывающе. Заведение кишело официантами, пересекающими зал в разные стороны. Бармены драили стойку и натирали до блеска посуду. Все говорило о большом пятничном мероприятии – очередной матч или бой между кем-то и кем-то. А значит, будет полно народа. Подготовка к кассовому дню всегда суетлива и отнимает у ответственной администрации заведения много сил. Арт-директор лютовал, накаляя и без того предельное напряжение. Оно и передалось девочке на ресепшене. Но при чем здесь мы? И что такого увидела эта озлобленная сука, что позволило ей вести себя со мной таким бешеным образом?

Никогда не терпел пренебрежения и потому просто не обратил внимания на щебетания страшной бабы в корпоративной одежде, выбрал стол и сел. Села рядом и Дюймовочка. Администраторша, покраснев, подбежала к столику, но опыт, подступивший к красной шее, удушливо подсказал ей: проще найти кому-то другой столик и перенести бронь, чем спорить с быдлом, коим являлась и сама. Поэтому она сглотнула.

– Что пьешь? – спросил, уставившись в карту бара.

– Все, но предпочитаю нефильТРованное пиво, – заулыбалась блондинка.

– Так, значит, и мне придется его цедить, чтобы быть под одним градусом с тобой.

– Видимо, да! – захохотала Дюймовочка.

Она была легка и заводила своим смехом. Отчего-то хотелось ее прижать, завернув предварительно в плед, поить чем-то горячим, бодрящим и алкогольным, чтобы продолжала согреваться и хохотать.

Принесли закуску к пиву, «Цезарь» и само пиво. Напиток был нефильтрованным и тяжело пился – никогда не умел пить хмельной кисель.

– Если не против, то возьму покрепче, – выбирая виски в меню.

– У тебя интересный стиль переписки. На сайте уже давно, но так ни с кем не приходилось общаться.

– Вроде как все обычные люди – беру буквы и складываю из них слова.

– Но ты пишешь грамотно. А это редкость. Нет, вообще уже никто не заморачивается с пунктуацией и грамматикой, как будто это теперь не важно. Где уважение ко второму участнику переписки?

– Признаюсь, я большой двоечник, закончил школу со множеством троек. И преподавательница русского языка и литературы с удовольствием поставила бы мне в аттестат ноль, если такое было бы допустимо. Это как оценка полученных мной знаний за одиннадцать лет.

– Учатся десять или восемь лет, – поправила аккуратно, без надменной озлобленности, Дюймовочка. Поправила так, как будто мы друзья. По-доброму, по-свойски.

– В том-то и дело, что одиннадцать. Полтора года протор-

чал в одном классе.

Глаза ее удивленно округлились.

– Не подумай совсем плохо про Бауэра. Не всякий предмет мне давался с трудом. И вообще, что это за формулировка «ему этот предмет дается с трудом»? Этой фразой прикрывают недопедагоги нежелание найти подход к ученику. Им проще завуалированно сообщить родителям, что их сын имбецил, который с трудом складывает из кубиков слово «хер», и им пора перевести его в специализированное учреждение, мило названное «интернат», чем признаться в собственной некомпетентности.

– Есть такое. У меня сын, ему пятнадцать. Были неприятные истории с преподавателями. Пришлось разнести кабинет физики и объясняться с директором, что такой подход к преподаванию, как давление на подростка, неуместен. Пришлось перевестись в другую школу. Но давить на парня никому не дам.

– Ты одна воспитываешь?

– Нет, родители помогают. На каникулы сына забирает отец в Финляндию.

– Ты сама в хороших отношениях с мужем?

– Он отличный человек. Женился на русской красавице вице-мисс чего-то. Родили еще парочку оболтусов. Но Женьку он очень любит – его первенец.

– Тогда выходит, что ты оказалась козой? – алкоголь ударил мне в голову и развязал язык. Так что все, что пришло

на ум, скатывалось, как с горки, в уши собеседницы.

– Не исключено. Ему хотелось домашнего очага. У нас все быстро завертелось: учеба, секс, свадьба, сын, работа, работа, работа. Мне становилось все скучнее. Стало трудно дышать, тошнота подступала к горлу, и я начала ее заливать вишнишкой. Сначала совместные компании, дни рождения, Новый год, Рождество. Потом радиус праздников расширился, захватив День народного единства, День конституции и прочую политическую требуху, что позволяло оправданно погрузиться в мир алкогольных грез и забываться в компании чужих людей.

– Муж с тобой не пил?

– Он человек науки. Его увлечение требовало тишины, покоя и тонны времени для сосредоточения. А это время нужно обеспечить хозяйюшкой. Роль домашней прислуги меня не устраивала.

– Ты бунтарка? – осенило меня.

– Как хочешь называй, не хочу быть за кем-то, хочу сама или наравне.

– Справедливо.

Мы пили еще и еще.

Треп ни о чем был в действительности завуалированным сапером, чьей задачей было аккуратно проверить соответствие ощущений от предыдущих переписок и девочки напротив сегодня.

– Если в хороших отношениях, то почему не перебралась

с бывшим мужем за бугор? Статья, невыездная? – последнее шепнул, приблизившись.

– Нет, все банальнее. Люблю до безумства Москву, эту чертову родину, людей, мать, в конце концов, у меня здесь. Муж был бы рад, если бы Женька был постоянно рядом. Они на одной волне. Нередко с сыном катаюсь к нему в гости на праздники. Хорошо общаюсь с его женой и детьми от второго брака. Если уж все станет совсем невыносимо, то придется порвать с самыми длинными отношениями в моей жизни. Надеюсь, эта трагедия так и не наступит и мне не придется говорить Москве «прощай».

– Для тебя это не просто дома, улицы, храмы?

– Конечно! Это воспоминания о каждом здании и человеке. Без них меня нет.

– Ты поэтична. И, мне кажется, тебя понимаю.

Она эмоционально вываливала накипевшее и мне нравилась ее откровенность и ее мягкий голос. Глаза горели, губы шевелились – она их смачивала пивом, отчего те какое-то время блестели.

Сидеть в баре порядком надоело. В заведение начали приходиться посетители, и мы перестали быть единственными в зале. Стало шумно, загалдели люди, заиграла живая музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.